Перст судьбы. Лирин

Автор:
Алина Углицкая

Перст судьбы. Лирин

Алина Углицкая

Перст судьбы #2

Игры богов очень жестоки, они не знают пощады. И та, что еще вчера была первой красавицей империи, сегодня стала рабыней. А ее место заняла самозванка – девушка из бедных кварталов, рожденная, чтобы служить другим. Из грязного трактира – под мраморные своды дворца, из тела невольницы – в тело изнеженной аристократки. Теперь она обладательница титула, несметного богатства, мужского гарема и сотни невольников. И если хочет остаться здесь навсегда, то должна пожертвовать лишь одним. Тем, кто ее ненавидит. Но как быть, если именно он стал ей дороже всего?

Матриархат, рабство, мужской гарем.

Алина Углицкая

Перст судьбы. Лирин

Пролог

Она проиграла!

Нет, это просто неслыханно! Она – верховная богиня Амарры Бенгет Всеблагая – проиграла! И кому? Этому неотесанному мужлану, своему муженьку, который только и знает, что круглые сутки развлекается со своими снежными ирбисами.

Зарычав, Бенгет швырнула в стену хрустальный бокал, полный пьянящей амброзии. И тот разлетелся на сотню мелких блестящих осколков. По стене расползлось золотистое, пряно пахнущее пятно.

Нет уж, так дело не пойдет. Пусть сестричка Арнеш говорит, что хочет, но она, Бенгет, точно знает: место мужчины у ног его женщины. Каким бесстрашным воином он бы не был, сколько власти бы не имел – все это теряет значение, когда его сердце трепещет и бьется в цепких женских ручках.

Нужно только найти подход. Слабое место. А слабости, как известно, есть у всех, даже у верховных богов – если они мужчины.

Бенгет махнула рукой, создавая огромное зеркало из ничего. В его глубине отразилась знойная брюнетка с тонкой талией, пышной грудью и соблазнительными бедрами, едва прикрытыми куском пурпурного шелка. Одно мгновение – и брюнетка стала блондинкой, а сексуальный наряд превратился в скромное, почти монашеское одеяние из домотканого сукна.

– Арнеш-ш-ш! – прошипела Всеблагая, не скрывая неприязни в голосе. – Что ж, первый раунд за тобой, сестричка. Пусть так. Но Игра еще не закончена.

– Опять пьешь? – блондинка в отражении приподняла идеальную светлую бровь. – Сомневаюсь, что Эргу это понравится.

– Тебе ли меня учить, вечная девственница? – чувственные губы Бенгет дернулись в ехидной усмешке. – Уж я-то найду способ договориться с собственным мужем.

– Мое дело предупредить, – Арнеш пожала плечами. – И вообще, я пришла по другому поводу. У меня свой интерес.

– И какой же?

– Ты же хотела реванш? Так вот, я сыграю вторую партию с тобой вместо него.

– Вместо Эрга? – Бенгет недоуменно вскинула брови. – Зачем тебе это?

– Если я выиграю – ты отдашь мне Амарру.

– А если проиграешь?

– Я уступлю тебе свои права на женщин Ангрейда.

– Хм… – Бенгет задумалась, не спуская внимательного взгляда со спокойного лица сестры. Та явно что-то задумала. Иначе – зачем пришла? Зачем ей вступать в Игру вместо Эрга? Здесь точно крылся какой-то подвох. Но какой – Бенгет не могла понять. – Хорошо. Я принимаю твое предложение.

– Даже не сомневалась, – Арнеш удовлетворенно кивнула. – Ставка остается прежняя: женщина против мужчины? Помнится, в прошлый раз ты мухлевала, хотя и безрезультатно.

– Да, – Бенгет поморщилась: последняя фраза ее задела. Всеблагая не умела проигрывать с достоинством, и любое поражение воспринималось ею очень болезненно.

– Хорошо. Но сразу предупреждаю: играем честно. В судьбы фигур не вмешиваемся и события не меняем!

– Ладно, – неожиданно легко согласилась Бенгет. Арнеш насторожилась. – Тогда у меня встречное условие.

Выражение лица Пресветлой не изменилось. Она только спросила:

– Какое? Говори, чего хочешь?

– Если я выиграю, ты уйдешь из Пантеона. Навсегда.

Всеблагая выжидательно уставилась на блондинку. Им двоим здесь слишком тесно. Если выпадет шанс избавиться от сестры и соперницы в одном лице, то почему бы им не воспользоваться?

– Ревнуешь? – Арнеш склонила голову набок, и ее сестре на мгновение показалось, будто по губам Пресветлой зазмеилась понимающая усмешка.

– Не твое дело.

Признаться в ревности, значит признаться в слабости. Ревнует только тот, кто боится конкуренции и не верит в себя. Для Бенгет это было все равно, что сдаться до объявления войны.

– В принципе, я ничего другого не ожидала, сестричка. Ревность сводит тебя с ума, не так ли? Но я согласна на это условие. И у меня есть свое, – Арнеш сделала паузу, наблюдая за сестрой, но та только молча свела к переносице темные брови. – Если ты выиграешь, то получишь все права на женщин Ангрейда, а я уйду из Пантеона. Но если проиграеш-шь… – голос Пресветлой понизился, превращаясь в змеиный шепот, и небесно-голубые глаза Арнеш на долю секунды вспыхнули алым пламенем. Вспыхнули – и погасли, и снова в них растеклась спокойная синяя гладь, будто и не было этой вспышки. – Если ты проиграешь – Эрг будет мой.

Бенгет стиснула челюсти так, что в тишине мраморного дворца прозвучал скрежет зубов.

Вот чего хотела Арнеш! Не власти. Не новых храмов. Не поклонения. Она метила выше, на место супруги верховного бога. На главный трон Пантеона.

– Ах ты, дрянь! – процедила Всеблагая, впиваясь ногтями в собственные ладони. – Вот что задумала…

– Неужели я слышу в твоем голосе страх? – Арнеш слегка усмехнулась.

– Страх? – Бенгет нервно расхохоталась. – Кого мне бояться? Тебя? Даже если ты из кожи вылезешь, не сможешь меня заменить. Не сможешь удовлетворить его так, как я. Ты всего лишь мое бледное отражение.

– Ну, если так, то тебе нечего бояться, верно? Ты принимаешь условия?

Арнеш протянула руку и раскрыла ладонь, из центра которой взвился вверх золотистый дымок.

Бенгет, скрипнув зубами, ударила по ее руке и крепко сжала, переплетя пальцы с пальцами сестры.

– Принимаю! – прошипела она сквозь зубы, обнажая клыки в нехорошей усмешке. – Можешь начинать собирать вещи.

И в миг, когда их руки соприкоснулись, вспышка света ознаменовала начало новой Игры.

– Серая мышь! – Всеблагая окинула сестру высокомерным взглядом. – С чего ты взяла, что он на тебя польстится?

Арнеш прищурилась, пряча в глазах снисхождение. А потом, немного подавшись вперед, тихо шепнула:

– Ему нравится, когда женщина снизу…

Глава 1

Старый закопченный трактир у дороги. Облезлая вывеска над покосившейся дверью. Громкий смех пьяных завсегдатаев и грубые окрики хозяина…

– Эй, Лирин, подай вина!

– Давай, пошевеливайся, девка!

– Чего застыла? А ну пошла!

Светловолосая девушка лет шестнадцати вздрагивает под алчными взглядами подвыпивших посетителей. Черная кожаная полоска, плотно обхватывающая нежную шею, недвусмысленно намекает на социальный статус ее хозяйки – рабыня.

Нет, не так.

Трактирная рабыня.

Подстилка для каждого, кто желает провести ночь с комфортом.

Невысокая, с полной грудью и тонкой талией, с длинной, почти до бедер, толстой косой, переброшенной через плечо – лакомый кусочек для тех, кто соскучился по сладости и податливости доступного женского тела.

Грязные заскорузлые руки тянутся, чтобы пощупать юную грудь или шлепнуть по упругим ягодицам, скрытым под коричневым балахоном. И только гневный окрик хозяина трактира спасает девушку от сомнительного внимания.

Облегченно выдохнув, Лирин бросает на нхира Марха благодарный взгляд и идет на кухню, умело лавируя между залитых элем столов. Для нее это обычный будний день, других она и не знает. И вряд ли в ее жизни будет что-то еще.

Ридрих Мах купил ее у отца, беспробудного пьяницы, несколько лет назад. В его трактире Лирин работала все это время. И если раньше хозяин обращался с девушкой грубо, но беспристрастно, то теперь стал постоянно задевать ее. Отправлял на самую грязную работу, доставал придирками и прятал от посетителей.

Лирин догадывалась, что происходит. Она не была столь уж наивна, чтобы не понимать очевидного. Девушка то и дело чувствовала на себе его раздевающий взгляд, его руки, пытающиеся украдкой пощупать ее. Слышала его прерывистое дыхание, ощущала тепло его тела, когда он, словно невзначай, прижимался к ней сзади. И странную твердую выпуклость между ног, которой он постоянно терся об ее ягодицы.

А сегодня он с самого утра накричал на нее, ударил, когда она протирала пожелтевшие от времени стаканы и случайно разбила один из них. Потом зажал в углу, задрал ей юбку выше колен и приказал расставить ноги. Одна его горячая потная ладонь пробралась под одежду, до самой развилки, где нежную плоть прикрывали светлые завитки. Вторая сжала грудь так, что девушка застонала от боли.

– Вот так, сучка, – услышала Лирин его хриплый шепот, и несвежее дыхание нхира опалило шею девушки. – Стони. Сегодня ты будешь стонать подо мной. Пора уже использовать тебя по назначению. Я и так долго ждал!

Сердце Лирин замерло, пропуская один удар, и по телу пополз холодок. Вот оно. Время пришло. Больше хозяин не станет ее щадить. Он возьмет ее, как любую свою рабыню, а потом будет сдавать каждому, кто в состоянии оплатить услуги трактирной шлюхи.

По щекам девушки потекли молчаливые слезы.

Но разве она смела надеяться на что-то другое? В Ангрейде у женщин нет собственной воли, все они, по сути, рабыни своих мужчин. И все они бессильны вырваться из этого рабства.

Но даже если бы ей повезло, даже если бы она получила свободу… Куда бы она пошла? Что стала бы делать? Здесь у женщин только одна судьба – быть чьей-то вещью. И единственное, о чем стоит молить богов, это чтобы хозяин оказался не слишком жесток.

– Сегодня ночью, когда все уснут, придешь ко мне в кабинет, – выдохнул нхир, прижимаясь к девушке возбужденной плотью. Маленькая дрянь уже не первый год сводила его с ума своим невинным личиком и наивными голубыми глазами. Почему он раньше ее не взял? Ридрих не смог бы внятно ответить на этот вопрос. Скорее всего, потому что она была пуглива, как мышь, а вокруг всегда хватало доступных женщин, знающих, что нужно мужчине. – Все поняла? И не забудь помыться, я не люблю мясо с душком.

Девушка вынуждена была кивнуть. Последние слова неприятно задели, Лирин знала, что дурно пахнет, знала, что вымазанное сажей лицо не придает привлекательности. Запах немытого тела и грязь были ее единственной защитой

от мужского внимания. До этой минуты.

Но больше всего пугала мысль о том, что будет, если она не придет. Нхир Марх может запороть ее на смерть за ослушание, и никто не посмеет вмешаться. Она же его собственность, его вещь. Он может делать с ней все, что захочет.

Вечером, когда последние постояльцы расползлись по своим комнатам, а на кухне и в главном зале воцарилась относительная тишина, Лирин нагрела воды в огромном чане и притащила из кладовки деревянное корыто.

Она развела в корыте воду до нужной температуры, примостила на лавку большую кружку, мочалку из сушеных водорослей и маленький кусок щелочного мыла, от которого щипало глаза и шелушилась кожа, а волосы становились жесткими и сухими, как солома. Рядом с мылом она поставила кувшин с разведенным яблочным уксусом – это была очень дорогая вещь для юной рабыни, но хозяин позволил сегодня сполоснуть им волосы. Девушка стянула грязное платье и, оставшись в одной рубашке, развязала крученые шнурки под горлом. Рубашка тут же сползла до пояса, обнажив молодое белокожее тело. Грудь у Лирин была полной, идеальной формы; от прохладного воздуха розовые соски сжались и заострились, а когда она провела по ним мыльной мочалкой, грудь заныла в непонятной истоме.

Стиснув зубы, девушка начала энергично тереть мочалкой плечи, руки, живот…

Нхир Марх приказал прийти ей в кабинет, где каждый вечер он берет трактирных рабынь, перегнув их через колченогую лавку. Сегодня он возьмет и ее. И она не сможет избежать этой участи, даже если наберется храбрости и посмеет сказать ему «нет». У нее нет выбора. Она его собственность, его рабыня, он возьмет ее силой, а потом за непослушание еще и накажет. Так что лучше смириться и все стерпеть. Если он прикажет стонать – она будет стонать. Если прикажет молчать – будет молча ему подчиняться. Это ее судьба.

Дешевое мыло хорошо пенилось, хоть и неприятно пованивало прогорклым жиром. Лирин взяла с лавки большую деревянную кружку и начала смывать пену чистой водой, одновременно проводя по вымытому телу пальцами другой руки.

– Ого, какая цыпочка в этом курятнике! – раздался позади нее мужской голос.

Девушка резко обернулась, машинально прикрывая грудь руками. В дверях кухни стоял высокий незнакомец в припорошенной дорожной пылью одежде. Его плащ из грубой шерсти был заляпан грязью, лицо осунулось и потемнело от постоянного пребывания на ветру, а из-под полы виднелся короткий меч в ножнах из серебристого металла.

– Где твой хозяин? – спросил мужчина, наблюдая за испуганной девушкой.

– О-он ушел домой, благородный лэр, – чуть заикаясь от страха, ответила Лирин.

Мужчина приподнял одну бровь, окидывая дрожащую девушку оценивающим взглядом. Его глаза задержались на кожаном ошейнике, подчеркивавшем статус рабыни.

– Мои люди устали с дороги. Нам нужна комната, еда и женщины для досуга. Ты тоже приходи. Я возьму тебя сам.

– Простите, благородный лэр, – девушка потупила очи, – но я не могу…

– По какой причине? – он снова вздернул бровь. – Я тебе неприятен? Не бойся, я щедро заплачу.

– Нет, лэр, вы мне очень приятны, – растерявшись, забормотала рабыня. Еще не хватало вызвать гнев этого мужчины, тогда хозяин точно не пожалеет и выдаст плетей. – Просто я еще никогда… никогда не была…

Она совсем смутилась, не зная, куда деть покрасневшее лицо. Тонкие губы мужчины раздвинула понимающая ухмылка.

– Так ты девственница? – сказал он, больше утверждая, чем спрашивая. – Что ж, так даже лучше. Люблю, знаешь ли, быть первопроходцем. Да не трясись так, – скривился он, увидев, что ее начала бить дрожь, – еще ни одна женщина не уходила от меня неудовлетворенной. Считай, тебе крупно повезло.

Он еще раз осмотрел ее напряженное тело и сухо бросил:

– Домывайся и позови своего хозяина. Пусть пришлет других рабынь прислуживать. А ты бери ключ и жди меня в комнате. Когда я приду, там должна быть горячая ванна и ты, голая и в постели. Не будет – запорю насмерть. Все поняла?

Последние слова он произнес, не скрывая угрозы.

Лирин судорожно кивнула, не в силах произнести ни слова. От страха у нее отнялся язык. Мужчина протянул руку, обхватил пальцами узкий подбородок девушки и сжал, вынуждая ту приподнять лицо.

– Смотри, – произнес он, – я могу быть ласковым любовником, а могу – жестоким хозяином. Тебе выбирать, с кем провести эту ночь.

С этими словами незнакомец развернулся и вышел.

Домываться Лирин не стала, просто смелости не хватило. Быстренько обтерлась куском грубого полотна, заменявшим ей полотенце, натянула рубашку на плечи, плотно завязала ворот под горлом и закуталась в приготовленную плетеную шаль, которая размерами напоминала простыню. Грязное платье, провонявшее кухней, надевать не хотелось. Она просто скомкала его в руках и в таком виде выскользнула в общий зал.

Гости уже успели расположиться со всем комфортом, который только можно было устроить в этом более чем скромном заведении. Они разожгли в камине огонь, расставили рядом с ним лавки и развесили на них свою грязную одежду, от которой сейчас валил пар и явственно пованивало лошадиным потом. Девушка насчитала семерых мужчин неоднозначной наружности, одетых в нижние туники. Они сдвинули вместе пару столов и теперь сидели вокруг них, развалившись на стульях. Только лэр, тот, который ее напугал, стоял у окна, напряженно вглядываясь в ночь. Остальные с меланхоличным видом начищали мечи.

Гости не обратили внимания на появление девушки. Но лэр встретил ее коротким кивком, и уголок его рта приподнялся в многообещающей ухмылке. Опустив голову, Лирин метнулась серой мышкой вдоль стены и выдохнула с облегчением лишь тогда, когда оказалась на улице. Ей еще предстояло пройти по ночной улице, чтобы сообщить хозяину о гостях.

Нхир Марх считал ниже своего достоинства жить в собственных съемных комнатах, которые он сдавал за деньги. Поэтому у него был отдельный дом, стоявший на соседней улице. Оказавшись вне стен трактира, девушка успокоилась и перестала трястись от страха. Она хорошо знала дорогу, тем более что почти через каждую сотню метров горел фонарь, а также доносились голоса патрульных, обходивших город в течение ночи. Без всяких приключений она добралась до жилища хозяина и постучала в дверь.

Долгое время никто не отвечал. Лирин сильно замерзла, но не посмела стучать второй раз. Нет ничего хуже, чем показаться назойливой, особенно, если хозяин не спит, а испытывает терпение своей рабыни. Наконец, в одном из окон зажегся свечной огонек. Дверь, скрипнув, распахнулась, и на пороге появилась одна из домашних рабынь, делившая со своим господином постель.

– Чего тебе? – весьма неласково буркнула она, ежась от ночного холода.

– В трактире новые постояльцы. Похоже, что лэры. У всех мечи…

– Не знаешь, что делать? Подними девок, пусть еды принесут, вина и ублажают тех, кто польстится.

– Им хозяин нужен! – Лирин замотала головой. От холода у нее уже начали неметь пальцы.

Рабыня скептически осмотрела посиневшую фигурку и, сжалившись, втолкнула ее в дом. Здесь было натоплено и пахло свежей выпечкой.

– На вот, согрейся, – женщина впихнула в руки Лирин стакан с вином, – а я пока хозяина разбужу.

Девушка благодарно вцепилась в предложенное угощение. Только сейчас она поняла, как замерзла, все же по ночам уже бывали заморозки, а редкие лужи покрывались тонким льдом. Примостившись у теплого каминного бока, она смаковала на редкость вкусное вино, по всей видимости, из запасов самого Ридриха. Понемногу алкоголь и тепло делали свое дело, расслабляя напряженное тело Лирин, затуманивая уставший разум. В какой-то момент она сама не заметила, как задремала.

– Вставай! – раздался над головой грубый окрик, а хлесткий подзатыльник заставил девушку испуганно подскочить. – Сама не могла гостей устроить?

Ридрих Марх, уже готовый к выходу, злобно уставился на нерадивую собственность.

– Пошевеливайся давай, а то благородные лэры уже заждались!

Обратный путь показался Лирин в два раза короче, поскольку пришлось бежать, держась за стремя хозяйской лошади. Но, по крайней мере, на сегодня она была избавлена от сомнительной чести стать хозяйской подстилкой.

У крыльца трактира Ридрих спрыгнул с коня и, накинув девушке на руку поводья, приказал завести животное в конюшню, а потом вернуться на кухню.

– Эта рабыня моя на сегодня, – прозвучал знакомый мужской голос, чуть тянущий гласные, и Лирин увидела лэра, спускавшегося с крыльца. По всей видимости, он увидел их из окна и по какой-то причине решил выйти навстречу. – Ты хозяин этого заведения? – спросил он, окинув Ридриха непроницаемым взглядом.

Тот бегло изучил потрепанную одежду постояльца, внушительный меч в серебристых ножнах и суровое лицо с презрительно искривленными губами. Было видно, что незнакомец привык повелевать и не принимал отказов. Но как ни хотелось нхиру Марху заработать, продавая прелести своей юной рабыни, жажда единоличного обладания этими прелестями заставила его сказать нет.

– Благородный лэр, – вкрадчиво начал он, – эта рабыня недостойна вашего высочайшего внимания. Она неопытна и неумела. В моем доме есть много женщин, готовых служить благородному лэру по первому зову!

– Другие женщины меня не интересуют, – отрезал незнакомец, – я уже сделал выбор и не собираюсь его менять. – Затем кинул короткий взгляд на предмет спора. – Твое время вышло. Я хочу свою ванну и женщину.

Ридриху молча скрипнул зубами, когда девушка, испуганно сжавшись, метнулась к дверям трактира. Если этот лэр так ее хочет, что ж, пусть получит,

но стоить она ему будет не дешево.

– Эта рабыня еще невинна, – Марх поднял на постояльца взгляд, в котором вспыхнула жадность, – и ее невинность дорого стоит.

– Даже не сомневаюсь, – лицо лэра искривила усмешка. – Сколько?

– Сто ледоров! – не моргнув глазом выпалил трактирщик.

– Солидная сумма за девственность, если она у нее, конечно, имеется. Наверное, у этой рабыни очень умелые пальчики и язык? Или у нее хорошо разработанный зад?

– Нет, она полностью невинна.

– Еще скажи, что даже мужского тела не видела, – в глазах гостя мелькнуло недоверие.

– Клянусь, это действительно так, – Марх кивнул, подтверждая свои слова. – Девица невинна, аки жрицы Арнеш. Я берег ее для себя, но…

– Пятьдесят ледоров, – отрезал лэр, останавливая словоизлияния Марха взмахом руки. – И она моя до утра. Или я возьму ее даром, а мои люди разнесут твою богадельню так, что не останется камня на камне.

– Да, лэр, – промямлил трактирщик убитым тоном, – но может все-таки…

– Нет, я уже принял решение.

С этими словами незнакомец развернулся и направился к дверям трактира, за которыми минуту назад исчезла рабыня.

Глава 2

Лирин понадобилось около часа, чтобы нагреть и натаскать воды на второй этаж в заказанную лэром ванну. Обычно рабыни делали это вдвоем, но сейчас все были заняты на кухне и в главном зале, развлекая остальных гостей. Обессиленная, она прислонилась спиной к двери и устало отерла с лица выступивший пот. Обвела растерянным взглядом комнатушку, которую выбрал лэр.

Маленькое окно, прикрытое ситцевой занавеской, справа от него – деревянная кровать изножьем к двери, слева – сундук для белья. Выцветший коврик под ногами, выщербленный пол. Но стены покрыты свежей побелкой, а белье на кровати чистое, почти новое, вкусно пахнущее лавандой. Видимо, лэр заплатил полновесной монетой за эти удобства.

Перед глазами, как наяву, встал его образ. Суровое лицо, перечеркнутое морщинами, орлиный профиль. Такому не стоит перечить.

Взгляд девушки упал на кровать.

Лэр приказал ждать его голой, лежа в постели?

Лирин поежилась, опуская ресницы. По спине побежали мурашки. Что-то этот приказ не вызвал энтузиазма, скорее, желание убежать.

– Обживаешься? – за спиной прозвучал насмешливый мужской голос. – Почему до сих пор в одежде? Я что приказал?

Девушка испуганно оглянулась. Лэр стоял в дверном проеме, небрежно прислонившись плечом к косяку и наблюдая за ней. Их глаза на секунду встретились и Лирин, вспыхнув, тут же отвела взгляд.

– Поторопись. Я ждать не люблю.

Оттолкнувшись от косяка, мужчина переступил порог и захлопнул за собой дверь. А потом, ничуть не стесняясь присутствия девушки, начал стаскивать с себя грязную одежду и бросать ее прямо на пол.

Раздевшись донага, он спокойно потянулся, давая рассмотреть свое загорелое жилистое тело с мягкой порослью волос на груди, спускавшейся темным ручейком до самого паха.

Лирин боялась даже смотреть в его сторону. Щеки девушки пылали от залившего их румянца, от стыда и стеснения подкосились колени. Захотелось закрыть глаза, вжаться в стену, наивно надеясь, что старый кирпич расступится и укроет ее за собой.

Но стена оставалась все такой же шершавой, холодной и расступаться не собиралась.

– Ну, раз ты не торопишься согреть мою постель, значит, будешь меня мыть, – усмехнулся мужчина и сел в ванну, выплеснув на дощатый пол немного воды. – Кстати, можешь обращаться ко мне лэр Дарвейн. Чего встала? Бери мочалку, иди сюда. И сними, ради Эрга, эти тряпки с себя!

– С-снять? – глаза девушки распахнулись, на лице появилось выражение ужаса. – Простите, лэр, но…

Он нетерпеливо перебил ее, не давая договорить:

– Ты же не полезешь в воду в одежде? Раздевайся. Или хочешь, чтобы я помог тебе? – он предвкушающе ухмыльнулся, скользнув многозначительным взглядом по ее фигуре, скрытой под балахоном. – Ну же, не противься. Вот увидишь, тебе понравится.

Сглотнув, девушка опустила голову и медленно приблизилась к улыбающемуся мужчине с обреченной покорностью. Дрожащими пальцами развязала узел на груди и скинула шаль. Затем потянула за шнурок, стягивавший горловину, и начала медленно стаскивать с плеч рубашку. С каждым обнажавшимся сантиметром кремовой кожи в глазах ее временного хозяина все сильнее разгорался темный огонь. Огонь, в котором желание граничило с похотью.

Когда из-под грубой ткани показалась девичья грудь, лэр подался вперед, впиваясь голодным взглядом в нежную плоть.

– Подойди, – произнес он низким вибрирующим голосом.

Этот голос подействовал на девушку, как гипноз. Почти не осознавая собственных действий, Лирин шагнула вплотную к ванне и тут же ощутила, как сильные мужские руки обвиваются вокруг ее талии железным кольцом. Еще мгновение – и вот она уже сидит в воде поверх своего господина, а ее одежда грязной кучей валяется на полу.

Несколько мгновений Дарвейн пристально вглядывался в лицо рабыни, изучая заалевшие скулы, нежный абрис щеки, стыдливо опущенные ресницы. Она была безумно хороша, и это не могла скрыть даже грязь, размазанная по ее щекам. Он взял ее рукой за подбородок, жестко сжал его и силой заставил девушку раскрыть рот. Зубы у невольницы оказались в довольно приличном состоянии. Наверное, их просто портить было нечем, или хозяин таверны следил за здоровьем своих рабынь, все-таки именно они приносили ему основной доход.

– Неплохо, – констатировал Дарвейн, поглаживая большим пальцем пухлые губы, – в твоем положении не все могут похвастаться красивой улыбкой. Рабыня с хорошими зубами ценится очень высоко. Почему твой хозяин до сих пор не взял тебя?

– Не знаю… – прошептала девушка, мечтая потерять сознание и не чувствовать, как под обнаженными ягодицами отвердевает и увеличивается мужской член.

– Не дрожи так. Страх заводит меня, а я не хочу приступать к десерту, не испробовав основное блюдо.

Усмехнувшись, Дарвейн схватил ее руку, вложил в нее намыленную мочалку и начал водить по своей груди, внимательно наблюдая за реакцией девушки. Она не поднимала взгляд, как и положено хорошей рабыне, и не сопротивлялась, позволяя мужчине управлять ее руками.

Держа рабыню за запястья и пристально наблюдая за выражением ее лица, он вел ее ладони по своей коже круговыми движениями, заставляя девушку невольно касаться мягких завитков его волос и будто случайно задевать пальцами горошины сосков. Его член удобно расположился между ее ягодиц, отзываясь острым наслаждением на каждое движение девушки. И Дарвейну стоило больших усилий не направить его в манящую влажную глубину, чтобы

проверить, так ли она невинна, как говорил трактирщик.

Лирин заелозила попкой, ища удобное положение. И мужчина вздрогнул всем телом, цедя ругательство сквозь стиснутые зубы. Испугавшись, что сделала ему больно, девушка замерла. В месте соприкосновения их тел она ощутила странную дрожь, которая начала разливаться внизу живота горячей истомой. Дыхание сбилось. Боясь шевельнуться, Лирин облизала кончиком языка пересохшие губы и рвано выдохнула.

– Прекрасно, – прошептал мужчина, ловя ее взгляд.

Не скрывая усмешки, Дарвейн повел плененные руки рабыни по твердым кубикам своего пресса. Все ниже и ниже, туда, где низ его живота покрывали жесткие завитки темных волос, на которых блестели капельки воды и белели хлопья мыльной пены. Достигнув места соединения их тел, он остановился и произнес:

– Ну что, не так уж и страшно? Дальше – сама.

Ссадив с себя рабыню, которая тут же послушно опустилась на колени, лэр поднялся во весь рост так, что его вздыбленный член оказался на уровне ее лица.

– Помой его, – приказал он голосом, не терпящим возражений.

Сглотнув и отведя в сторону взгляд, Лирин коснулась его мочалкой.

– Нет, – остановил ее мужчина, – руками. И смотри на него, не опускай глаза.

Когда тонкие пальчики девушки робко коснулись горячей плоти, Дарвейн резко вдохнул и зашипел сквозь зубы. Он слишком долго был в походе, слишком долго не имел женщины. Тянущая боль в паху, появившаяся еще вечером, когда он впервые увидел полуобнаженную девушку, склонившуюся над корытом, теперь усиливалась с каждым прикосновением робких пальчиков. Она казалась невыносимой, тело требовало разрядки, но ему не хотелось кончить так, не отведав нежного девственного тела.

Запустив руку рабыне в волосы, Дарвейн резко дернул, силой заставляя ту поднять голову.

– В постель! Быстро! – процедил он, не размыкая зубов, и отшвырнул девушку от себя.

Ударившись о бортик ванной, Лирин суетливо выскочила из воды и застыла, не зная, что делать дальше. Мокрое тело дрожало, точно от холода, хотя в комнате было довольно натоплено, кожа покрылась мурашками и мелкие волоски на руках и ногах поднялись дыбом от страха. По спине и груди девушки на пол медленно стекала вода, собираясь у ее ног в холодную лужу.

– Возьми полотенце и вытрись, – приказал Дарвейн отрывисто и зло.

Он уже чувствовал, что теряет терпение. Да, невинная рабыня была, конечно, лакомым кусочком, но ее робость и неловкость начинали его раздражать. Он собирался быть с ней нежным и терпеливым, но вряд ли это получится, если сейчас все его мысли только о том, как он войдет в ее тело. Какой она должна быть тугой и горячей. И от этих мыслей у него сводило мышцы в паху, а из горла рвалось голодное рычание, точно у дикого зверя.

Лирин судорожно вдохнула. В горле застрял комок. Точно прикованная, она застыла на месте, не в силах оторвать взгляд от возбужденного мужского достоинства, которое лэр бесстыдно выставил напоказ. Его тяжелый член с блестящей от смазки головкой, с рельефными венами, взбухшими от притока крови, показался ей монстром из ночного кошмара. Нет! Не может быть, чтобы кто-то стонал от восторга, принимая в себя это чудовище! В ее теле не найдется места, в котором могло бы поместиться нечто подобное!

Дарвейн по-быстрому окатил себя водой, смывая мыльную пену, схватил полотенце, приготовленное для него рабыней, и шагнул из ванны. Точными, быстрыми движениями он обтер мокрое тело и отбросил ненужную тряпку. Теперь его потемневшие глаза, не отрываясь, следили за девушкой, сжавшейся в комочек в самом дальнем углу кровати.

Тяжелая усмешка раздвинула сухие губы мужчины, когда он проследил за ее испуганным взглядом. С нескрываемым ужасом на лице девушка смотрела на его член, который все больше отвердевал под ее взглядом.

Словно хищник, вышедший на охоту, Дарвейн одним слитным движением оказался на кровати и завис над перепуганной рабыней, опираясь на руки. Его взгляд лихорадочно обшарил обнаженное женское тело, упиваясь белизной атласной кожи, приятной округлостью бедер, идеальными полушариями грудей. Пусть жизнь невольницы и не была сладкой, но ее нетронутое тело все еще оставалось упругим и соблазнительным. Конечно, через несколько лет от этой красоты не останется и следа: плохое питание, тяжелая работа и побои сделают своё дело, превратят юную девушку в старуху раньше времени. Но сейчас она была так возбуждающе пуглива, так соблазнительно прекрасна, что Дарвейн не видел смысла истязать себя ожиданием. Страх девственницы, боящейся своего первого мужчины, подействовал на него лучше всякого афродизиака. Раздувая ноздри, втягивая в себя этот остропряный аромат, он одним ударом колена раздвинул ее судорожно сжатые ноги и навалился всем телом.

Лирин застонала, почувствовав, как что-то твердое и горячее уперлось в ее промежность. Страх сковал тело девушки, заставляя сжаться внутренние мышцы. Мужчина недовольно заворчал, облизал свои пальцы и направил их туда, где только что был его член. Нетерпеливо раздвинул нежные складочки и проник дальше, грубо вторгаясь в нетронутое тело.

Лирин закричала от жгучей боли, которая, казалось, разорвала ее пополам. Слёзы брызнули из глаз, дыхание перехватило. Дарвейн грубо выругался, зажимая ей рот одной рукой и резко, одним толчком вошел в нее на всю длину.

Внутри она оказалась еще прекраснее, чем он представлял: такая тесная, такая горячая. Нежная, шелковая, живая перчатка, туго охватившая его возбужденную плоть. Он начал двигаться в ней сильными, грубыми толчками, чувствуя скорое приближение разрядки и не желая ее оттягивать. Потом, все потом. Ночь длинна. У него еще будет время показать ей все радости жизни. До утра девушка будет петь в его руках, как хорошо настроенная арфа, а сейчас он хочет только одного, чтобы это напряжение внутри наконец-то взорвалось, дав разрядку обезумевшему телу.

Наконец, Дарвейн почувствовал невероятное облегчение, вырвавшееся из него вместе с тугой горячей струей. Напряженные мышцы расслабились, и покрытое потом тело рухнуло на кровать, подмяв под себя неподвижную девушку. Мужчина тяжело дышал, его грудь ходила ходуном, как после яростной битвы на мечах. Откатившись от рабыни, он глубоко вздохнул и с некоторым

сочувствием произнес:

– Первый раз всем больно. Можешь встать и обмыться.

Девушка даже не шевельнулась, продолжая молча лежать. Дарвейн приподнялся на локте и настороженно заглянул ей в лицо.

Неужели он был настолько груб?!

Она лежала бледная, как полотно. Глаза были плотно закрыты, на раздавленных мужской ладонью губах виднелись кровоподтеки. Дыхание стало поверхностным, едва слышным, на нежной коже бедер проявились безобразные синяки, а всю промежность покрывали засохшие пятна крови.

Он даже не заметил, когда она потеряла сознание!..

* * *

– И? – Арнеш бросила на сестру скучающий взгляд. – Это твой первый ход?

– Нет, – та дернула плечиком и склонилась над игральной доской, где сейчас происходило главное действие. В ее голосе мелькнула издевка. – Это издержки влияния моего дорогого супруга. В Амарре ни один мужчина не позволил бы себе даже пальцем коснуться женщины, если она ему не позволит.

– Насколько мне известно, даже в Амарре девственность теряют с болью.

– Да, – чувственный рот Бенгет дернулся в коварной усмешке, – но раба, причинившего эту боль, тут же казнят.

– За что? – Арнеш откинулась на спинку резного кресла из слоновой кости и возмущенно фыркнула. – За то, что подчинился приказу и лишил свою госпожу невинности?

– Хороший раб-дефлоратор сделает так, что его госпожа не почувствует боли. А если он не справился со своей прямой обязанностью, то к чему его даром

кормить? Ощущаешь разницу? – и Бенгет опять усмехнулась. На этот раз не скрывая иронии. – Мужчины в большинстве своем руководствуются инстинктами. Секс, охота, война – вот, что интересует любого из них. Я только учу своих амаррок использовать это с умом. Каждый должен знать свое место.

– Ты хочешь сказать, что в Амарре нет войн? И как насчет развлечений твоих адепток? Например, то, что они приносят своих мужчин в жертву на твоих алтарях? Или то, что любовь у них считается смертным грехом?

– Любовь это яд, делающий женщину слабой и превращающий мужчину в животное. Мои амаррки потому и сильны, что я закрыла их сердца на замок. А что касается всего остального, – Бенгет выпрямилась и щелкнула пальцами, от чего над игральной доской на секунду вспыхнула радуга, – я, по крайней мере, не требую от своих жриц вечного воздержания. Так что, сестричка, оставь свои нравоучения при себе. Кстати, сейчас мой ход.

Глава 3

Медленно, очень медленно Лирин приходила в себя. Ей казалось, что она плывет в густом тумане, в котором то появлялись, то исчезали незнакомые лица. Она слышала чьи-то стоны, приглушенную ругань, ощущала вкрадчивые прикосновения потных ладоней и тяжелый, удушающий запах свернувшейся крови и жженых перьев.

«Что случилось? – мелькнула отстраненная мысль. Девушка открыла глаза и обвела вокруг рассеянным взглядом, не в силах сосредоточиться на происходящем. – Я заболела? Мне плохо? Почему я лежу?»

Взгляд уперся в потолок, украшенный черно-белой арабеской. Незнакомый потолок незнакомого помещения. Лирин судорожно выдохнула и приподнялась, с трудом сдерживая рвущийся из горла испуганный вскрик. По спине, приподнимая мелкие волоски, пополз холодок.

Привычная обстановка каким-то непостижимым образом изменилась до неузнаваемости. Куда делись комната в таверне и лэр, купивший ее на эту ночь?

Да и ночь ли сейчас?

Сердце девушки сжалось в неосознанном страхе.

Она обнаружила, что сидит на топчане, прислонившись к стене, в окружении незнакомых мужчин. Рядом стоял грязный стол с обрывками заскорузлых от крови тряпок. Вот и вся меблировка.

Один из незнакомцев – седой старик в короткой тунике, не скрывающей его длинного и худого тела – держал над ее лицом жженые перья. Второй – низенький и толстый, в странном цветном халате, перетянутом на животе широким кушаком – вцепился в свои короткие волосы с таким видом, будто хотел их вырвать с корнем, и полузадушено стонал:

– Госпожа Эсмиль! Госпожа Эсмиль!

Еще двое – накачанные, в одних набедренных повязках, с блестящей, будто смазанной маслом, темной кожей – охаживали плетками скорчившегося на полу окровавленного мужчину. Несчастный свернулся в клубок, подтянув колени к самому подбородку. Он плотно обхватил их руками и спрятал лицо, подставляя многострадальную спину под удары плетей, которыми его методично обрабатывали палачи.

Лирин показалось, что она сходит с ума.

Наверное, вино нхира Марха оказалось крепленым, и все, что она сейчас видит, всего лишь последствия хмеля? Да, наверное, так и есть…

Девушка зажмурилась и потрясла головой, пытаясь отогнать назойливый гул в ушах. По плечам рассыпались блестящие, словно шелк, пряди черных волос. Лирин уставилась на них с легким недоумением, взяла одну прядь двумя пальчиками и застыла.

Рука была не ее.

Задержав дыхание, она поднесла к лицу обе ладони. И забыла, что надо дышать.

Никогда, еще никогда в жизни у нее не было такой холеной и гладкой кожи, таких узких, изящных ладоней. Таких длинных пальцев и блестящих ногтей, которые переливались в свете факелов, словно усыпанные серебряной пылью.

На тонких запястьях сверкали золотые браслеты, издавая мелодичный звон при каждом движении.

Лирин почувствовала, как вновь уплывает в туман. И взмахнула рукой, надеясь найти опору, которая не даст ей упасть. Неловким движением она толкнула старика, и тот, вскрикнув от неожиданности, выронил перья.

Толстяк, не веря своим глазам, медленно опустил руки и кинулся перед девушкой на колени.

– Ясновельможная госпожа! – этот странный человечек едва не плакал. – Я так виноват, что оставил вас одну! Я приму любое наказание, – и он опустил голову еще ниже, почти уткнувшись лбом в грязный пол.

Лирин дернулась, почувствовав его губы на своей ноге. На узкой изящной стопе, обутой в расшитую золотом туфлю из белого атласа.

Вторую ножку украшала точно такая же туфелька. А еще золотая цепочка, обвивавшая стройные икры девушки до самых коленей.

Эти холеные ножки могли принадлежать кому угодно, только не рабыне из опустевшего предместья Керанны.

О, Пресветлая Арнеш! Что здесь происходит?!

– Кто вы такой? – прохрипела девушка, чувствуя, как слова с трудом продираются сквозь пересохшее горло.

– Госпожа, я младший управитель аукционного дома Нальсарин. Полчаса назад вы купили вот этого недостойного раба, – он ткнул пальцем в окровавленного мужчину, скорчившегося на полу. – Пусть Бенгет вырвет его грязное сердце! Я пытался вас предупредить, госпожа… но вы потребовали оставить вас вдвоём с невольником. Мы прибежали, услышав крик, и нашли вас на полу, а эта с-с-

собака, – управитель вскочил на ноги и острым носком туфли пнул несчастного под ребра, а затем вновь пал ниц перед девушкой, – эта тварь пытался задушить вас своими кандалами! Только прикажите, мы подвесим его на позорном столбе и живьем сдерем с него шкуру! А голову насадим на копье и выставим на всеобщее обозрение!

Вцепившись пальцами в шершавый край топчана, Лирин уставилась на говорившего и несколько раз моргнула, пытаясь сообразить, к кому тот обращается.

Неужели мир перевернулся с ног на голову за то время, что она провела без сознания? Как так получилось, что она, рабыня, купила себе раба и не помнит об этом? И чьим именем ее называет этот странный толстяк?

Между тем мужчина на полу издал полузадушенный хрип, когда плеть обожгла и без того располосованный бок, окончательно разрывая кожу.

– Хватит! – Лирин вскочила, точно подброшенная тугой пружиной. Из глаз брызнули слезы. И тут же слабость, подкосившая ноги, заставила упасть обратно на топчан. – Прекратите издеваться над ним! Он же и так еле дышит!

Палачи тут же остановились, опустились на колени и приложились лбом об пол. То же самое повторили старик и управитель.

– О, ясновельможная госпожа, – пропыхтел последний, не поднимая глаз, – позвольте мне загладить свою вину! Этот человек очень опасен. Он не поддается «привязке». Будет лучше, если вы его принесете в жертву, как и планировала госпожа Ульнара.

– Кто?

– Его предыдущая хозяйка.

Лирин сглотнула.

– Где я? – у нее задрожали губы. Она нервным движением стиснула край своего одеяния и с изумлением поняла, что это чистейший шелк – безумно редкий и

безумно дорогой, который ей довелось видеть только однажды. – Почему я не помню, как попала сюда?

Нет, это либо чей-то злобный розыгрыш, либо она умерла и попала в рай, где бывшие рабы стают господами.

– Этот ничтожный раб напал на вас, ясновельможная госпожа, и вы ударились головой, – пояснил тощий старик, не поднимая на нее глаз, – поэтому у вас смятение в мыслях. Несколько дней покоя – и память восстановится.

Лирин судорожно втянула в себя воздух. Нужно было что-то сказать, что-то ответить, но сердце в груди колотилось так быстро, что слова застряли в горле вместе с дыханием.

И в этот момент дверь комнатушки распахнулась, словно откинутая порывом ветра.

– Эсмиль!!!

Визгливый голос с истеричными нотками заставил девушку вздрогнуть и обернуться.

На пороге стояла девочка лет тринадцати в нежно-розовой шелковой тунике, собранной на плечах золотыми фибулами в симметричные складки. Длинные волосы незнакомки, черные, как ночь, были заплетены в несколько десятков тонких косичек, и на каждой из них крепился золотой зажим с россыпью драгоценных камней. Девочку можно было бы назвать даже хорошенькой, если бы не выражение презрительного превосходства, прочно поселившееся на ее маленьком личике. Она поджала пухлые губы, превращая их в узкую полоску, и сдвинула брови. В карих глазах сверкнуло раздражение и недовольство.

– Госпожа Аини, – мужчины еще раз коснулись лбами пола, на этот раз Лирин поняла, что они приветствуют незнакомку.

– Сестричка! Ты меня до смерти перепугала! – девочка перешагнула порог и встала, уперев руки в бока. Бросила скептичный взгляд на тело, лежавшее у ее ног. – М-да-а-а, неплохое вложение капитала. Сто скерциев на алтарь Бенгет!

Услышав знакомое имя, Лирин судорожно вздохнула. Бенгет! Кровавая богиня Амарры. Где-то она уже слышала это имя…

Вспомнилось, как однажды поздней осенью в трактир нхира Марха забрел одноглазый калека. Его звали Орсо. Длинные черные волосы и суровый профиль выдавали в нем данганара, но испещренное морщинами лицо и сутулые плечи сделали его похожим на старика. У него тряслись руки, сорванный голос напоминал хриплое карканье ворон, а потухший взгляд говорил, что жизнь давно сломала этого человека. Он зарабатывал себе на хлеб тем, что рассказывал о приключениях, которые пережил, и его истории вызывали дрожь даже у самых стойких мужчин.

Это он рассказал, что где-то за Океаном есть таинственный Южный материк, окружённый такими рифами, что редко какой корабль может их обойти и пристать к песчаному берегу. И на том материке, в чудесной стране с нежным именем Амарра, испокон веков живут прекрасные женщины, поклоняющиеся кровавой богине Бенгет. Они приносят ей в дар своих мужчин и проливают их кровь у подножия ее статуй, а взамен она дарует им тайное знание, как привязать к себе самого сильного воина, как сломить самый гордый дух.

Он говорил, что эти женщины захватили почти весь материк, формируя непобедимые войска из преданных мужчин, прошедших ритуал, называемый «привязкой». И те действительно становились привязанными: верными цепными псами, для которых не существовало ничего невозможного, только бы госпожа отдала приказ. Это было похоже на одержимость. Он видел сам, и не раз, как по слову хозяйки такие одержимые бросались на собственные мечи, входили в огонь или просто переставали дышать: у женщин той страны было много развлечений, но больше всего они любили испытывать своих мужчин.

Он провел там несколько лет, переходя от одной хозяйки к другой, узнавая все новые грани отчаяния и боли. Мужчины, прошедшие «привязку», даже самую невыносимую боль принимали из рук госпожи, как знак ее высочайшего внимания, ибо для них не существовало ничего дороже, чем служить ей телом и духом. Но изредка среди них попадались те, кого невозможно было «привязать» ни одним ритуалом. Те, чьи жилы наполняла горячая кровь свободных кланов, обитающих в заснеженных горах Северного материка.

Только на данганаров – истинных сыновей Эрга – не распространялась «привязка» амаррок. И Орсо оказался одним из них.

Он был всего лишь гребцом на галере, которая однажды в шторм сбилась с курса. Несколько дней утлый кораблик носило волнами, пока, наконец, не выкинуло на острые рифы. В тумане, клубившемся на горизонте, матросы увидели незнакомый берег, но это была не та земля, о которой они мечтали.

Маленькие юркие лодки напали на них из предрассветного сумрака. Темнокожие мужчины с бритыми на лысо головами, одетые только в набедренные повязки, заполонили палубу галеры, размахивая кривыми короткими саблями. Они возникали, как духи, ниоткуда, словно материализовались из воздуха или падали с неба. Это были аскары – безжалостные воины, легко впадавшие в безумие битвы. Настоящие хищники, верные только своим хозяйкам. И их было так много, что скоро они захватили корабль.

Жалкие остатки команды вынуждены были сдаться в плен, даже не подозревая, что их ждет. Вскоре большинство пленников умерло от ран, других продали в рабство прямо в порту. Орсо был одним из тех, кто попал во вторую категорию. Сначала он радовался, что остался в живых, считал, что ему повезло. Но спустя пару дней понял: повезло тем, кто умер во время шторма. А через неделю он уже призывал смерть, как блаженство.

Первой его хозяйкой стала безобразная старуха, увешанная золотом с ног до головы. Молодому парню пришлось пройти унизительную процедуру, в течение которой ему заглядывали в рот, мяли гениталии и даже заставили нагнуться и раздвинуть ягодицы собственными руками. За непокорность и промедление надсмотрщик бил плеткой, чьи раздвоенные концы украшали свинцовые гирьки. Эти гирьки разрывали кожу и глубоко, почти до кости, входили в податливую плоть. А палачи присыпали раны особым порошком, от которого сворачивалась кровь, но тело жгло, как огнем, делая боль практически невыносимой.

Орсо, испытав на себе эти изобретения человеческой жестокости, молча подчинялся, тая надежду на побег.

Осмотрев новоприобретенного раба, хозяйка приказала заклеймить его правую ладонь чем-то похожим на печать. Но оказалось, что эта штука разъедает кожу не меньше кислоты, заставляя кричать от боли и терять сознание даже самых крепких мужчин. Уже много позже Орсо узнал, что обычно рабам дают обезболивающее, чтобы они оставались на ногах после процедуры клеймения, но ему такой роскоши ни разу не досталось, хоть и пришлось сменить несколько

хозяек. Хуже нанесения нового клейма было только срезание старого – и это он тоже испытал на себе.

У первой хозяйки он не задержался надолго. Когда она поняла, что «привязка» не действует, то постаралась сплавить проблемного раба своей родственнице, набиравшей аскаров. Но и той он не подошел в силу своей специфичности, и тогда эта дама отдала его подруге, которая и нашла ему применение. В подвалах ее дворца было очень много комнат для особого вида развлечений. Именно там Орсо потерял правый глаз, половину зубов, обзавелся переломами в нескольких местах и вывихнутыми суставами.

Сколько раз он пытался себя убедить, что эта женщина безумна, но нет, в ее спокойных серых глазах не было и грамма сумасшествия. Она приходила в подвал, где на цепях висели распятые рабы, садилась в роскошное бархатное кресло и с аппетитом поглощала изысканные сладости, наблюдая за тем, как ее палач истязает очередную жертву. Иногда она брала в свои изящные ручки пыточный инструмент, и тогда в ее спокойных глазах появлялось странное выражение. Ни гнева, ни ненависти, ни зла – нежная ласковая улыбка расцветала на ее губах. И с этой улыбкой она дробила кости, выворачивала суставы и снимала кожу с еще живых рабов во славу своей кровавой богини.

После очередного ее посещения Орсо был настолько плох, что его приняли за труп. Два бритоголовых аскара оттащили безвольное тело далеко за границы дворца и скинули в глубокий ров, где обычно находили последний приют все жертвы сероглазой красавицы. Там он лежал три дня, умирая без пищи и воды под палящим солнцем, задыхаясь от трупной вони и пытаясь сохранить остатки рассудка. И после всех испытаний эта яма, полная человеческих костей, показалась ему райским садом.

Но боги решили, что ему рано еще умирать. Дом, в который он попал, находился на самой границе Амарры, и на рассвете четвертого дня произошло нападение. Многотысячная армия маленькой Левантии – соседнего государства – ворвалась на вражескую территорию. Это были высокие бронзовокожие мужчины, чьи мускулистые тела украшали замысловатые татуировки. Темноволосые, с хищными чертами лица и ястребиным профилем, делавшим их похожими на этих гордых и свободолюбивых птиц. Они делили свои войска на когорты и легионы, а под короткой туникой носили кожаные штаны выше колен. Именно левантийцы нашли и выходили Орсо, а спустя какое-то время отправили измученного парня торговым кораблем назад на Северный материк.

Все это в одно мгновение промелькнуло в голове у Лирин. И девушка застыла, чувствуя, как внутри поднимается волна паники.

Нет, она не могла оказаться за тысячи лиг во владениях кровавой богини. Такого не может быть!

Но тогда почему эти люди называют ее госпожой и падают ниц? Ведь только в Амарре женщину величают госпожой и ставят выше мужчин…

– Эсмиль, он тебе ничего не сломал? – над ней склонилось лицо Аини. – Нигде не болит?

В глазах черноволосой девочки застыло участие, слишком похожее на досаду. Кажется, она была бы не прочь услышать утвердительный ответ.

Лирин моргнула, возвращаясь в действительность. Сон это или реальность, но молчать и делать вид, что ничего не происходит, она не могла.

Может, стоит сказать этим людям, что они ее с кем-то перепутали? Но не сделает ли она себе хуже? Что если они убьют ее, когда поймут, что она не их госпожа?

Готова ли она расстаться с жизнью прямо сейчас?

Нет, не готова…

Зажмурившись, Лирин набрала полную грудь воздуха и выпустила его маленькими толчками. Потом тихо произнесла:

– Нет, все хорошо.

Действительно, хорошо. Потому что лучше сидеть в золоте и шелках, пусть и среди незнакомых людей, чем очнуться в постели лэра и продолжить удовлетворять его похоть.

– Тогда вызови жрицу, пусть заберет это отребье и принесет в жертву, пока он дышит, – девочка нетерпеливо пристукнула пяткой. – Ты же знаешь, что трупы Бенгет не принимает.

Лирин подняла на нее ошеломленный взгляд, полный смятения.

– Какое отребье? Какую жрицу? – она не могла понять, чего от нее хотят эти люди.

– Вот это! – Аини ткнула пальцем в сторону окровавленного тела. – Похоже, он все-таки сильно тебя приложил! – девочка недовольно скривилась. Заторможенность сестры начала ее раздражать. – Посмотри на него, – она брезгливо поддела лежащего мужчину носком туфли, – ты же не потащишь «это» в дом? Ему одна дорога – на алтарь. Пусть хоть так отработает тебе потраченные деньги.

Последняя фраза заставила девушку нахмуриться.

– Я его купила? – пыталась сообразить Лирин.

Нет, это невозможно. Она не могла никого купить… Она сама рабыня.

Она уже хотела сказать, что все это ошибка, но вместо этого какая-то неведомая сила заставила ее произнести:

– Если я его купила, то он принадлежит мне.

– И что? – Аини капризно оттопырила нижнюю губу.

– Я не буду приносить его в жертву…

Сказала – и замерла, вслушиваясь в собственный голос. Даже этот снисходительный тон был чужим. Такой бархатный, такой мурлыкающий, вальяжно растягивающий гласные звуки. Он просто не мог принадлежать рабыне. Это был голос женщины, привыкшей ко всеобщему поклонению.

– Что ты сказала? – Аини показалось, что она ослышалась. – Ты серьезно? Потащишь его домой?

Лирин кивнула. Как бы там ни было, сон это или сумасшествие, но девушка была твердо убеждена: этого человека нужно забрать с собой. Зачем и куда она даже не думала.

– Мать тебя убьет! – простонала девочка, театральным жестом заламывая руки. – И как ты собираешься это сделать? Он не дойдет сам, а тащить его некому. Хочешь, чтобы он сдох прямо на мостовой? Никто ему не поможет! Мы взяли только четырёх рабов, и они несут наш паланкин.

– Паланкин! – О, Пресветлая Арнеш, неужели здесь есть паланкин?! – Его можно доставить на паланкине.

– Ты сумасшедшая! – Аини пораженно уставилась на сестру, надеясь увидеть на ее лице следы безумия. – Ты хоть поняла, что сказала?

– Да, – Лирин улыбнулась, чувствуя невероятное облегчение. Как будто сила, заставлявшая ее говорить, ослабила хватку. – Мы положим его в паланкин.

– Что?! В паланкин? А мне прикажешь идти пешком или, может быть, ехать вместе с этим рабом?! – застонала Аини, дергая себя за косички. – Я все расскажу маме!

– Маме? – Лирин прикрыла глаза, пробуя на вкус это слово. Надо же, у этой девочки до сих пор имеется мать…

– В общем, так, можешь делать, что хочешь, но я не позволю тебе позорить свой Дом! Я сейчас же убираюсь отсюда! И сообщу, куда следует, что наследница Маренкеш повредилась умом.

Аини выскочила за дверь, захлопнув ее за собой с громким стуком, а Лирин перевела рассеянный взгляд на коленопреклоненных мужчин. Раздражающий шум в ушах уже прошел, сознание было ясным и чистым. Сила, только что контролировавшая ее действия и слова, куда-то исчезла, оставив после себя только легкое недоумение.

Она осталась одна среди незнакомых мужчин… Но эти мужчины стоят на коленях.

И она, во что бы то ни стало, должна забрать раба, который сейчас корчится на полу.

Нет, наверное, это все-таки сон.

– Позвольте мне помочь вам добраться до дома, ясновельможная госпожа, – управитель рискнул поднять голову. Если с высокочтимой гостьей Дома Нальсарин что-то случится, в первую очередь полетит голова управителя.

– Да… пожалуйста… – девушка, сглотнув, машинально коснулась горла, но вместо привычного ошейника под рукой оказалось колье из крупных камней.

Толстяк растерянно замер. Так непривычно прозвучало слово «пожалуйста» из женских уст. Видимо, госпожа Эсмиль пострадала больше, чем это видно со стороны.

– Вы уверены, что все в порядке? – переспросил он. – Может быть, пусть лекарь осмотрит вас?

– Нет, – Лирин покачала головой и поднялась. – Со мной все в порядке. Покажите, куда мне идти…

– А что делать с рабом? Вы его забираете? – управитель с сомнением покосился на полутруп – иначе не назовешь.

– Да.

– Тогда вам лучше нанять крытый экипаж. Там вы сможете поместить его в специальный отсек для рабов.

Но не факт, что он будет все еще жив, когда экипаж прибудет к конечному пункту.

– Хорошо.

Лирин готова была согласиться уже с чем угодно, лишь бы убраться из этой комнаты, где даже на стенах засохла кровь.

– Как скажете, госпожа Эсмиль, но сначала придется раба заклеймить. Правилами запрещается выводить неклейменого раба за границы аукциона, а ему даже старое тавро не сняли. Только в качестве ритуальной жертвы можно оставить его безымянным. Бенгет не спрашивает имен.

– Он безымянный? – Лирин непонимающе уставилась на толстяка, пропустив мимо ушей информацию о клеймении.

– Ну, – замялся управитель, – «привязка» же не сработала. Значит, ваше имя он не принял. Но какое-то у него точно должно быть.

Девушка шагнула к измученному пленнику, словно ее тянуло к нему невидимой нитью, и нагнулась над ним, пытаясь рассмотреть его лицо под спутанными волосами. Появилось желание коснуться его, утешить, хоть чем-то помочь, но она не смогла заставить себя дотронуться до него. Все его тело казалось одной сплошной раной, куском мяса, залитым кровью. И сердце Лирин дрогнуло от жалости.

Она видела, как наказывают плетьми. И сама не раз испытала подобное. Но ни отец, ни нхир Мархх, ни другие мужчины, поднимавшие на нее руку, не были настолько жестоки, как эти люди, забившие человека почти до смерти.

Пленник с надрывным хрипом втянул в себя воздух и вдруг распахнул глаза. Его помутившийся взгляд, полный презрения, заставил девушку испуганно отшатнуться.

– Эй, – неуверенно позвала она, чувствуя в груди холодок. – Как вас зовут?

– Эйхард, – выплюнул незнакомец вместе со сгустками крови и повторил на одном упрямстве: – Мое имя Эйхард орн Дриз…

Глава 4

– Могу я начать процедуру таврования? – вкрадчиво спросил седой лекарь.

Лирин молча кивнула, решив, что не стоит вступать в разговор с этим типом. Он почему-то был ей неприятен. Его глубоко посаженные глаза на худом костистом лице смотрели холодно и цепко, когда взгляд падал на полумертвое тело у его ног, но стоило ему взглянуть на девушку, как они начинали заискивающе поблескивать. Она встречала таких, как он. Тех, кто вечно вьется возле власть имущих, но с теми, кто ниже по статусу, они предпочитают не церемониться. Вот и этот лекарь, несмотря на кажущееся добродушие, был похож на затаившуюся змею. И сейчас только присутствие наследницы знатного Дома удерживало его от чрезмерной грубости с избитым рабом.

Когда управитель удалился, пообещав нанять экипаж для дорогой клиентки, два темнокожих антийца подняли с пола бессознательное тело и взгромоздили его на топчан. Удерживая невольника, один из них вывернул его правую руку ладонью вверх и разогнул пальцы. Девушка ахнула, в ужасе уставившись на кровавое месиво. Ей показалось, что с ладони мужчины содрали кожу.

– Что это? – еле слышно спросила она.

– Госпожа Ульнара не позволила обработать рану после удаления клейма ее Дома, – оправдываясь, ответил лекарь. – Не переживайте, ясновельможная Эсмиль, сейчас я нанесу стоггамскую мазь, чтобы уберечь вашего раба от закипания крови, и мы продолжим.

Он достал из своего чемоданчика стеклянный сосуд с широким горлом, отвинтил крышку и зачерпнул деревянной лопаткой сероватую смесь с зелеными вкраплениями. Затем шлепнул эту мазь прямо на открытую рану и ловко размазал, заставив узника застонать сквозь плотно сжатые зубы.

– Все, моя госпожа, теперь вы можете поставить ему клеймо своего Дома.

Один из антийцев держал невольника за плечи, второй вытянул его левую руку и нажал на запястье, заставляя сомкнутые в кулак пальцы рефлекторно разжаться.

– Позвольте вашу печать, – опустив взгляд, лекарь протянул к Лирин свою паучью конечность.

– Что? – растерялась девушка. – Какую печать?

– Госпожа Эсмиль, у вас на запястье должен быть браслет с гербом вашего Дома. Это и есть печать. Дайте мне его, и я затаврю вашего раба, иначе вы не сможете забрать его домой.

Лекарь старался быть предельно корректным, но у него уже сдавали нервы. Он видел, что с клиенткой что-то не так: она явно повредилась головой и не вполне понимает, что происходит вокруг. И это произошло именно здесь, на территории Дома Нальсарин! Да еще в его дежурство! Не нужно быть слишком умным, чтобы понять, чем это грозит. Если до Старшей Матери дойдут слухи об этом инциденте, о спокойной старости можно будет забыть.

Лирин подняла руки, и струящиеся складки бирюзового шелка скатились к плечам. На ее правом запястье, среди золотых собратьев, действительно тускло поблескивал браслет из странного зеленоватого металла, похожего на потемневшую бронзу. Он был довольно широким, почти в три пальца толщиной, с изящной гравировкой в виде амаррской вязи, о которой девушка не имела ни малейшего представления. На одной из сторон крепилась овальная пластина серебристого металла. Именно она и была той самой печатью, неся на себе герб Дома Маренкеш.

Несколько мгновений Лирин разглядывала обвившую кинжал кобру с раздувшимся капюшоном и оскаленной пастью. Все детали были настолько тщательно прорисованы, что можно было даже сосчитать чешуйки на ее теле. Содрогнувшись от омерзения, девушка стянула браслет и положила его в услужливо подставленную ладонь старика. Она с детства ненавидела змей.

Лекарь смочил печать специальным раствором, разъедающим плоть, и приблизился к рабу. Лирин невольно шагнула ближе, замирая от страха и сожаления. На ее памяти не было ни единого случая, чтобы кого-то клеймили. Разве что государственных преступников и беглых солдат. Но этот несчастный не был похож ни на того, ни на другого. Хотя, откуда ей знать?

Когда серебристая пластина встретилась с человеческой плотью, разъедая ее, вверх взвился беловатый дымок, комнату наполнил запах паленой плоти, а сам тавримый застонал, срываясь на хрип. Его лицо свело судорогой от боли, челюсти сжались так, что на впалых щеках выступили желваки. Из-под черных бровей на Лирин глянули бездонные глаза, в которых плескалась такая жгучая ненависть, что девушка растерянно отпрянула, прячась за плечо одного из антийцев.

Эйхард скрипнул зубами. Боль вернула его в сознание, и первым желанием было броситься на эту холеную стерву в шелках и задушить ее голыми руками.

– Ему больно! – выдохнула девушка побелевшими губами, и рот несчастного дернулся в глумливой усмешке.

– Надо же, – прохрипел он, – высочайшая госпожа пожалела никчемного раба?

Один из антийцев ткнул его в бок, и голос Эйхарда сорвался на хрип.

– Стойте! – Лирин сжалась, по привычке ожидая удара, но его не последовало. Замерев, лекарь и антийцы покорно ждали, что она скажет. – Его обязательно бить? Ведь он не опасен?

– Пока, может быть, нет. Но вы зря оставили ему жизнь. Взгляните, он не знает слова покорность.

Невольно следуя словам лекаря, Лирин взглянула на Эйхарда. По измученному лицу невольника, смешиваясь с грязью и кровью, текли струйки пота.

– Вы заклеймили его, как быка, – прошептала девушка еле слышно.

И лекарь, услышав ее слова, покачал головой:

– Простите, госпожа, но вы не приказывали использовать хамши.

– Хамши?

– Порошок, которым натирают ладонь перед наложением печати. Он снимает чувствительность плоти, делая таврование безболезненным, – объяснил тот, испуганный, что приходится пояснять даже такие общеизвестные вещи.

– Так почему вы не использовали его? – Лирин почувствовала, как внутри закипает возмущение. Эти люди могли облегчить страдания несчастного, но при этом ни один не подумал об этом!

Ее все еще потряхивало от взгляда раба.

– Вы не приказали…

Услышав ответ, девушка онемела.

Она должна была приказать.

Приказать.

Она.

Им.

Мужчинам.

Нет, этот мир точно сошел с ума.

В этот момент вернулся управитель с вестью, что экипаж найден и ждет у центрального входа. Угодливо изогнув спину, он распахнул дверь, пропуская девушку вперед.

Лирин невольно оглянулась. Ей вдруг показалось, что переступив через этот порог, она окончательно оборвет связь с тем миром, к которому привыкла за шестнадцать лет своей жизни. То, что она знала, то, во что верила – все это исчезнет, стоит ей только покинуть это полутемное помещение.

В этот момент по комнате пронеслось легкое дуновение ветра, зашелестевшего по углам. И Лирин почувствовала толчок невидимой руки. В ту же секунду в ее голове пропел ласковый женский голос:

«Иди! Иди ко мне, девочка. И не бойся. Мое благословение будет с тобой».

Девушка машинально шагнула вперед и замерла, не в силах двинуть ни рукой, ни ногой. Она внезапно обнаружила, что стоит, окруженная хрустальными стенами, сквозь которые, преломляясь и рассыпаясь всеми цветами радуги, проходит солнечный свет. А навстречу ей идет, протягивая руки и улыбаясь, прекрасная женщина в роскошном платье из пурпурного шелка. Ее маленькие ножки почти не касались прозрачного пола, под которым синело небо и плыли облака. Блестящие волосы незнакомки струились по покатым плечам, прикрытым тончайшей тканью, а на высокой груди и на лбу алели, точно капли свежей крови, кристаллы граната.

«Арнеш!» – беззвучно шевельнулись губы бывшей рабыни, и она вскинула на женщину испуганный взгляд.

«Нет, дитя мое, – незнакомка ласково улыбнулась, останавливаясь в шаге от девушки. И та поняла, что волосы у той черные, будто вороново крыло, а между коралловых губ виднеются маленькие клыки. – Ты ошиблась. Но я прощаю твою ошибку. Склони колени перед Матерью Сущего, Бенгет Всеблагой. И не бойся, здесь тебе ничего не грозит».

Лирин, подчиняясь приказу, не задумываясь, рухнула на колени.

«Где я?» – она обвела вокруг себя растерянным взглядом.

«В моей обители. В храме роскоши и утех. Скажи, тебе нравится твоя новая жизнь?»

«Моя жизнь?» – девушка недоуменно уставилась на ноги богини, видневшиеся из-под длинного подола. Она просто не решилась поднять взгляд выше.

«Да, твоя жизнь. Еще вчера ты была рабыней, а теперь сама владеешь рабами. И не только рабами. Взгляни!»

Она махнула рукой, и перед Лирин возникло что-то вроде большого овального окна, по периметру которого вилась золотистая дымка. Сквозь это окно девушка увидела величественный дворец из белого мрамора, окруженный каменными стенами и роскошным зеленым садом, полным благоухающих цветов. В саду виднелись фонтаны, чьи прозрачные струи сверкали на солнце, а высокие шпили дворца упирались в самое небо, и на них, трепеща на ветру, развевались разноцветные флаги.

«Смотри. Этот дворец теперь твой, – Бенгет подтолкнула онемевшую девушку ближе к окну. – Видишь флаг на самом высоком шпиле? Это герб императрицы Ауфелерии. А рядом с ним – герб твоего Дома. Высшего Дома Амарры – Маренкеш. Теперь ты наследница самого богатого и второго по знатности рода Амарры. И твое имя теперь Эсмиль ди Маренкеш».

«Нет! – девушка замотала головой, не в силах осознать слова богини. – Это ошибка! Я Лирин, дочь жестянщика из Керанны, собственность нхира Марха».

«Уже нет, – Бенгет уверенно сжала руку Лирин. – Теперь ты ясновельможная госпожа Эсмиль ди Маренкеш, наследница Высшего Дома Амарры. Теперь ты владеешь сотнями рабов, мужчины всего лишь пыль у тебя ногами, а твоего золота просто не счесть. И если хочешь остаться здесь навсегда…»

Она замолчала, вынуждая Лирин повернуться спиной к окну и взглянуть на нее.

«Если хочу остаться здесь навсегда?..» – повторила девушка слова Всеблагой едва слышным голосом.

О, боги, неужели все это правда? Она больше не рабыня? Она сама владеет рабами? И не только ими!

Нет, это не укладывалось в ее голове.

«Да, дитя мое. Если хочешь остаться здесь навсегда, тебе нужно сделать только одно. Выполнить мою небольшую просьбу. Ну, как, ты согласна?»

Девушка растерянно стиснула пальцы. Не каждый день доводится вот так говорить с богами. Не каждый день тебе, простой рабыне, предлагают целый

дворец.

Но разве богам отказывают? Их просьбы подобны приказам.

«Что… – она запнулась от волнения. – Что я должна сделать для вас?»

«Сущую мелочь. Сохранить жизнь тому рабу, которого ты сегодня купила. Кажется, его зовут Эйхард?» – и Бенгет, слегка наклонив голову набок, усмехнулась.

Лирин покраснела. Перед глазами возник образ окровавленного мужчины и его темный, ненавидящий взгляд.

«Да… Его зовут Эйхард. Эйхард орн Дриз…»

Он произнес свое имя с такой силой, с такой яростью, словно хотел заклеймить им каждого, кто находился в той комнате. Так же, как они заклеймили его.

«Вот и отлично, – Бенгет с улыбкой похлопала девушку по плечу. – Хочешь остаться здесь – позаботься о том, чтобы он выжил. Если это тебе удастся, я скажу, что делать дальше».

Бенгет замолчала, придирчиво рассматривая свою будущую адептку. Уж на этот раз она точно не ошибется. Эта девчонка ни за что не захочет вернуться назад, в тот грязный трактир, откуда она ее вытащила.

Вот только сейчас она мало похожа на амаррскую аристократку. Ну, ничего. Она быстро это исправит.

«Поднимись, дитя мое, – приказала она. – Выше голову. Запомни, ты не рабыня. Ты – госпожа. И расправь плечи. Думаю, тебе будет к лицу царственная осанка».

Лирин подчинилась.

«И помни, – Бенгет окинула ее пристальным взглядом, в котором полыхнуло кровавое пламя, – если не справишься, и обман раскроется – тебя казнят. Если ослушаешься и подведешь меня, или намеренно выдашь себя – тебя казнят.

Причем, я придумаю для тебя самую страшную казнь, которая только существует на свете. Ты все поняла?»

Голос богини понизился до хриплого шепота, и в нем Лирин с ужасом услышала шипение тысячи змей. Перепуганная, она закивала, готовая сейчас согласиться с чем угодно, лишь бы остаться в живых.

«Вот так, молодец. И не бойся, я буду рядом».

Кажется, именно этого ей стоило опасаться больше всего…

– Госпожа? Вам плохо?

Взволнованный мужской голос ворвался в сознание Лирин, возвращая ее в действительность. Назад, в полутемную комнатушку, где до сих пор в воздухе висел удушающий запах свернувшейся крови.

Девушка обнаружила, что стоит, ухватившись рукой за стену. Сглотнув, она взглянула на говорившего. А потом, подчиняясь приказу богини, все еще звучавшему у нее в голове, вздернула подбородок и расправила плечи.

Да, так было, действительно, лучше.

– Нет, со мной все в порядке, – заверила она управителя.

– Тогда, позвольте вас проводить, – и тот, угодливо изогнув спину, распахнул перед ней тяжелую дверь.

Оказавшись в просторном коридоре с арочными сводами, Лирин не смогла удержаться и в восхищении крутила головой. Выложенные мозаикой стены, мраморные колонны, бронзовые статуи обнаженных мужчин – неужели это, действительно, ее новая жизнь? Никогда в жизни ей не приходилось видеть чего-то подобного!

Попадавшиеся на пути женщины радушно кивали, приветствуя ее, мужчины же низко кланялись, а некоторые так и вообще становились на колени, опускали голову в пол и ждали, пока она не пройдет мимо. Лирин испытывала неловкость

при виде такого раболепия, но в то же время чувствовала, как в душе поднимается волна удовлетворения.

Да. Столько лет ее безнаказанно унижали. Столько лет она была вещью грубого и неотесанного трактирщика Ридриха Марха. И каждый, кто носил штаны, мог из прихоти обидеть ее. А теперь мужчины всего лишь пыль у нее под ногами – не так ли сказала богиня? И стоит ли подвергать эти слова сомнению, если на каждом шагу незнакомцы падают на колени при виде ее?

Лирин сама не заметила, как стала идти ровнее, гордо неся черноволосую головку. В ее глазах появился довольный блеск. Блеск удовлетворенного самолюбия.

Пусть это сон, пусть он исчезнет, и она снова вернется в свою каморку на чердаке, но сейчас она здесь, и она не рабыня. Она госпожа. Проходящие мимо мужчины опускают глаза и гнут перед ней спину. Ради этого мгновения стоило жить.

Два охранника с лоснящимися мускулистыми телами, едва прикрытыми символическими доспехами, распахнули перед ней высокие резные двери, позволяя ворваться горячему воздуху и тысячам запахов с улиц города. Лирин чуть замешкалась на пороге, чувствуя, как от волнения сбилось дыхание, а потом по инерции двинулась за управителем к странной конструкции на колёсах.

Эта карета, запряженная четверкой гнедых лошадей, больше всего напоминала крытые фургоны, в которых путешествовали по дорогам Ангрейдского королевства – северной родины Лирин. Но если тяжеловесные фургоны были сделаны из грубо отесанных досок и звериных шкур, то этот экипаж отличался легкостью и изяществом. Куполообразная крыша, широкие окна с четырех сторон, филигранная резьба на дверце, а внутри – оббитые бархатом удобные сиденья, и даже небольшой столик между ними.

– Прошу вас, ясновельможная госпожа, – управитель распахнул дверцу, и тут же перед экипажем образовался мальчик-раб. Упав на колени, он подставил свою спину вместо ступеньки.

Девушка в недоумении остановилась. К детям она всегда относилась с особенной теплотой и даже сейчас не смогла переступить через себя и причинить вред этому мальчишке, которому на вид было не больше десяти лет.

Управитель по-своему воспринял ее заминку.

– Не беспокойтесь за вашего невольника, ясновельможная госпожа, – сказал толстяк, – его сейчас же устроят в отсеке для рабов.

И он показал на заднюю стенку экипажа, имевшую раздвижную дверцу, за которой находилась небольшая полость.

Туда, на неудобную узкую лавку, скинули обмякшее мужское тело, руки и ноги закрепили в специальных металлических держателях, напоминающих кандалы, и задвинули дверцу, навесив на нее тяжелый замок. Ключ от замка управитель с поклоном вручил госпоже Эсмиль и заискивающим тоном пожелал приятного пути. Ему уже не терпелось избавиться от нее и в одиночестве подумать о том, как смягчить наказание, которое он сегодня непременно получит.

Когда экипаж отъехал, толстяк с тоской проводил его обреченным взглядом.

Наверняка, госпоже Руайян уже доложили про неприятный инцидент, произошедший на территории ее Дома. Оставалось только надеяться, что хозяйка будет достаточно занята и доверит наказание своему палачу. Тот, по крайней мере, не получал от подобной процедуры никакого удовольствия, просто делал свою работу.

Глава 5

Поездка оказалась на диво короткой, но все это время Лирин потратила на изучение окружающей обстановки. Первая эйфория уже прошла, и в сердце девушки снова вползла тревога. Что бы там не обещала Всеблагая, она привыкла полагаться только на себя. Если даже близкие люди постоянно обманывают, если даже родной отец продал ее за пару медяков, как ненужный хлам… Как она может верить богине, которая, к тому же, предпочитает кровавые жертвы?

Боги не являются смертным просто так. У них всегда на это есть причина. И сейчас Лирин сомневалась, что на этот раз причина – ее личное благополучие.

У богов свои игры, в которых человеческая жизнь всего лишь разменная пешка.

Экипаж мчал по выложенной гладкими плитами мостовой, мимо роскошных усадеб, окруженных ухоженными клумбами, мимо фонтанов, чьи струи взлетали вверх и рассыпались снопом сверкающих на солнце капель, мимо стройных рядов кипарисов и пальм, уносящихся верхушками в небо.

А небо над городом было удивительно ясным, ультрамариновым. Лирин ни разу не видела такого над Ангрейдом. И солнце здесь напоминало раскаленный шар, полыхающий в вышине. Но больше всего девушку удивило отсутствие народа на улицах этого города.

Нет, навстречу ее экипажу то и дело попадались роскошные паланкины, которые несли темнокожие рабы. Или открытые колесницы, которыми правили невольники с золотыми обручами на шее вместо ошейников. В колесницах на бархатных подушках праздно полулежали женщины в пурпурных шелках, украшенных золотом и драгоценными камнями. Еще Лирин видела пару таких же экипажей, как тот, в котором ехала она сама. А у фонтанов, бросая друг в друга пригоршни воды, развлекались стайки девушек в ярких одеждах, делавших их похожими на экзотических птиц.

Но толпы, так привычной Лирин, нигде не было видно.

Куда делись мужчины и женщины, спешащие по своим делам? Где хозяйки, вышедшие на базар, где ремесленники, предлагающие под окнами свой товар… и вообще, где обычные дома? Это же город?

Но вокруг, насколько хватало глаз, вдоль улиц тянулись изящные ограды, за которыми, будто бриллианты, сверкали на солнце великолепные дворцы, окруженные парками, статуями и фонтанами.

Если это был город, то город избранных. Место, где проживает элита.

Наконец, экипаж подкатил к кованым воротам, на которых приготовилась к нападению уже знакомая кобра, и остановился. Не успела Лирин шевельнуться, как дверца оказалась распахнутой, а у порожка покорно встал на колени очередной мальчуган.

– У меня здесь раненый, – сказала Лирин, обращаясь к охранникам у крыльца и стараясь, чтобы голос не дрогнул.

Еще не хватало привлечь к себе лишнее внимание. Пока она не поймет, что здесь происходит на самом деле, лучше не вызывать подозрений.

Охранники приблизились к ней, не поднимая глаз.

«Вот так, молодец, девочка, – прозвучал в ее голове удовлетворенный смешок Бенгет. – Ты отлично справляешься. Прикажи им внести раба в дом и позвать лекаря».

– Его нужно внести в дом и позвать лекаря, – машинально повторила девушка.

Она снова, как и в прошлый раз, подчинилась приказу богини, не в силах даже осознать смысл ее слов. Сила привычки, вдолбленная в голову с детства – приказы не обсуждаются и не обдумываются. Они исполняются.

И тут же не сдержалась, передернула плечами, вспомнив лекаря в аукционном доме. Если здесь он точно такой же, то лучше бы отказаться от его услуг. В конце концов, кипяченой воды, крепкого вина и чистых тряпок вполне достаточно, чтобы очистить и перевязать раны от хлыста и неглубокие порезы, которые, наверняка, уже затянулись за время пути.

– Эсмиль! – витражные входные двери распахнулись, и между колонн, поддерживавших высокий свод над мраморным крыльцом, показалась Аини, весьма недовольная задержкой сестры. – Ты уже вернулась, слава Бенгет. Ну что, ты оставила этого раба или привезла с собой?

Девочка слетела с широких ступенек, не скрывая своего любопытства, и незамедлительно повисла на руке старшей сестры.

Один из стражников подергал за замок на карете и обратился к Лирин:

– Госпожа Эсмиль, позвольте мне открыть.

Девушка протянула ему ключ и невольно задержала дыхание, когда раздвижная дверца со скрипом вошла в гнездо, открывая печальное зрелище.

Истерзанный невольник так и не пришел в себя за все это время. Его тело держалось только за счет креплений, а голова безвольно упала на грудь, пряча опухшее от побоев лицо под слоем спутанных волос. Раны на коже уже перестали кровоточить, но вздувшиеся багровые рубцы заставили Лирин тихонько ахнуть от ужаса. Она-то могла себе представить, что чувствует сейчас этот несчастный. Отец не раз наказывал ее плетью за недостаточную расторопность и сообразительность.

– Ой, только не говори, что ты его пожалела, – Аини брезгливо сморщила носик, а стражники, изумленные возгласом своей госпожи, поторопились извлечь искалеченное тело.

Один из них взвалил его себе на плечо и собрался нести в обход дворца к невольничьим баракам.

– Госпожа, – спросил другой, – будут еще приказания?

– Куда его отнесут? – взволнованно поинтересовалась Лирин, силой заставляя себя держать голову прямо и не опускать взгляд.

Это было довольно трудно, об этом постоянно приходилось напоминать себе. Особенно сейчас, когда хотелось сжаться в комочек и забиться куда-нибудь в угол. Но нельзя. Нельзя привлекать внимание, нельзя вызывать подозрения. Иначе случится беда.

– В бараки для рабов, – ответил стражник, держа голову и взгляд низко опущенными.

Сердце Лирин взволнованно сжалось. Она не хотела выпускать этого мужчину ни на миг из поля своего зрения. В конце концов, разве ей не было сказано, что

он – ее единственный шанс на счастливую жизнь. А если с ним что-то случится? Что тогда? Она снова очнется в трактире нхира Марха, в одной постели с тем лэром? Или, не дай боги, еще с кем-нибудь?

«Так прикажи ему остановиться! – хихикнула Бенгет, наслаждаясь ситуацией и метаниями своей игрушки. – Ты можешь приказывать здесь что угодно, кому угодно. Все эти мужчины твои рабы».

Все что угодно?

«Конечно, – богиня уже хохотала, – даже отнести его в твои личные покои».

Лирин пораженно застыла, пытаясь осознать всю глубину этих слов.

У нее есть покои…

«Целые апартаменты, если быть точной. Ну, давай! Или мне сделать это вместо тебя?»

В голосе богини мелькнула угроза, и Лирин моментально схватила стражника за плечо:

– Остановись! – Тот замер, придерживая рукой безвольное тело. – Неси его в мои покои!

Стражник с поклоном направился к дворцовым ступеням.

– Эсмиль, я тебя не узнаю, – недовольно насупилась Аини. – Неужели этот раб так привлёк тебя, что ты решила сразу поместить его в гарем? Смотри, он не кажется безобидным. И кстати, какое имя ты ему дала?

– Эйхард… его зовут Эйхард, – машинально проговорила Лирин, провожая взглядом черноволосую голову, бессильно болтавшуюся у стражника на плече. – А что ты сказала про гарем?

– Ох, ты, действительно, себе все мозги отбила! Приказала отнести этого несчастного в свои покои, а стражник что, в спальню к тебе его потащит что ли.

Конечно же, в гарем, а куда еще? То-то твои мальчики удивятся, когда увидят это чудо! – и Аини многозначительно захихикала, прикрыв рот ладошкой.

* * *

Дворец казался сверкающей драгоценностью снаружи и мифическим раем изнутри. Войдя под его своды, Лирин почувствовала, как ее грудь сжимает непонятное томление и странный восторг, от которого повлажнели глаза и быстрее забилось сердце. Такой красоты, такого великолепия она не встречала еще никогда, даже не подозревала, что существует нечто подобное.

Высокие куполообразные потолки, цветные барельефы на стенах, мраморные колонны, поддерживавшие своды, и огромные, от пола до потолка, стрельчатые окна, украшенные потрясающими витражами. А пол из розового мрамора был застлан пушистыми коврами. Везде, где проходили девушки, лежали эти ковры: толстые, мягкие, с ярким узором и таким длинным ворсом, что нога утопала в нем по щиколотку.

«Смотри! Смотри на все это! – раздавался в голове шепот богини, напоминавший змеиное шипение. – Это все будет твоим!»

И Лирин смотрела. Впитывала в себя всю это роскошь, не в силах осознать, что это она своими ногами идет по этим коврам, что это перед ней падают ниц рабы, что этот дворец, эти люди и все, что вокруг – не сон, не сказка, не бред воспаленного воображения. Она действительно здесь.

И может остаться здесь навсегда…

– Куда мы идем? – осмелилась спросить Лирин, когда они свернули из просторного коридора в роскошно обставленный зал.

– К тебе, конечно, – Аини пожала плечами.

Странное поведение сестры и резкая смена ее характера насторожили девочку, но она не придала этому особого значения. За Эсмиль водились разные странности. Та еще в детстве могла сначала исполосовать раба собственными руками, а потом играть в лекаря и залечивать его раны. Или, став по старше,

могла провести со своими наложниками ночь, полную удовольствия, а потом приказать выбрить их наголо и отправить работать на плантации. А взамен притащить с этих плантаций во дворец простых работяг.

Сейчас Аини больше переживала, что скоро открытие Тан-Траши, очередных гладиаторских игр – или танов, как их здесь называли – возведенных в ранг государственных. И ложа Дома Маренкеш не должна пустовать!

Лирин замерла возле очередных дверей, рассматривая резной узор на лакированной поверхности. Она уже начала привыкать, что у каждого входа в этом дворце стояли два стража. Высокие, мощные, темнокожие, с бритыми налысо головами. Их грудь прикрывал полудиск из золотистого металла, а чресла – короткая юбка с широким поясом, концы которого праздно свисали почти до колен. В руках стражи держали копья, которыми преграждали дорогу. Но стоило девушкам приблизиться, как аскары открывали двери и опускались на одно колено, приветствуя хозяек.

Лирин уже заметила эту закономерность. Если голова мужчины была брита налысо, то он всегда оказывался вооружен и не слишком раболепен. Скорее, предан и учтив.

Каста воинов?

Девушка скользнула по коленопреклоненным мужчинам тревожным взглядом. По привычке она все еще опасалась, но те старательно смотрели в пол.

– Что? – Аини недоуменно обернулась к замершей сестре.

– Нет… ничего…

«Знаешь, – медленно произнес в ее голове голос Бенгет, – я придумала для тебя первое испытание. Должна же ты заработать право на завтрашний день в этом раю?»

Лирин невольно поежилась. Что потребует от нее богиня?

«Не бойся, ничего сверхъестественного. Проверь, что он носит под этой юбкой!»

– Что он носит под этой юбкой? – машинально повторила девушка, и ее взгляд упал на юбку аскара, прикрывавшую его бедра.

«Так возьми и посмотри, – хохотнула провокаторша. – Или ты хочешь вернуться назад, в трактир?»

И тут же словно невидимая ладонь толкнула Лирин вперед, заставив почти упасть на полуголого мужчину.

Аскары невольно напряглись. В Амарре существовали определенные касты и ограничения, но воля госпожи считалась выше всех правил. Так аскар был аскаром, воином, и не использовался для постельных утех – для этого были наложники, которых отличали по длинным волосам. Аскар имел право ответить отказом на притязания женщины, но только если этой женщиной не была Старшая Мать или ее наследница.

Лирин закусила губу, разглядывая темнокожих мужчин. Ее ладони вспотели от волнения, сердце в груди грохотало так, будто собиралось выпрыгнуть наружу, и дыхание застряло в груди.

Неужели она способна на то, что требует от нее богиня?

Но уж лучше она сделает это сейчас, чем то же самое будут делать с ней, когда она опять окажется в руках нхира Марха.

Шагнув к одному из стражей, девушка тихо выдохнула:

– Встань.

На большее смелости не хватило.

И если бы аскар проигнорировал эти слова, она бы вряд ли осмелилась их повторить.

Но мужчина поднялся, продолжая изучать взглядом пол. Даже то, что он аскар не давало ему право смотреть в лицо женщины, тем более наследницы Дома.

Очень медленно Лирин приблизилась вплотную к нему, так, что между их телами не осталось промежутка. Теперь она слышала, как размеренно и четко бьется сердце в его груди. Но вот ее дрожащая ручка осторожно легла на его бедро. Второй раз в жизни она касалась обнаженного мужчины. И снова по приказу. Захочется ли ей когда-нибудь дотронуться до него добровольно?

Ладошка девушки скользнула по гладкой коже, ощущая крепость напрягшихся мышц, а потом незаметно поползла вверх, под подол.

«Давай, вот так, дитя мое, – хохотала Бенгет, наблюдая за этой картиной. – Ты быстро учишься! Ни в чем себе не отказывай».

Страж даже не вздрогнул, но девушка ощутила, как изменился его сердечный ритм. Теперь сердце мужчины грохотало, убыстряя пульс, дыхание стало прерывистым, тело напряглось, мышцы вздулись буграми.

Дрожащие пальчики девушки едва ощутимо прошлись вверх до бедерной косточки, а затем вниз и в сторону, туда, где понемногу оживала горячая плоть. Лирин замерла, не зная, что делать дальше. И тут же ее ладонь, подчиняясь чужому приказу, очень легко скользнула по напрягшейся плоти, от чего аскар едва заметно дернулся. Затем, женские пальчики погладили нежную бархатистую кожицу и сжали, заставив мужчину издать низкий горловой звук, похожий на приглушенный стон.

Лирин прикрыла глаза. Ее рука, против воли ее рассудка, властно сжимала толстый член аскара, увеличивавшийся с каждой секундой.

Рвано выдохнув, она разжала пальцы и сделала шаг назад.

Перед глазами заплясали черные точки. И тут же возникло видение черноволосого мужчины. Обнаженного, с густой порослью на груди и гораздо ниже, там, где у этого ощущается лишь гладкая бархатистость.

Лирин застыла.

Грязная ванна, лэр, его жесткие и быстрые движения, едва сдерживаемая похоть в горящем взгляде… и боль… резкая, острая боль, раздирающая

внутренности напополам.

Что это?!

Воспоминание яркой вспышкой пронзило мозг, заставив девушку испуганно вскрикнуть. От внезапной тошноты сжался желудок, в голове помутилось. И Лирин, почти теряя сознание, медленно опустилась на пол.

Глава 6

– Эсмиль! Эсмиль! – Аини бросилась к сестре, поймала ее отсутствующий взгляд и закричала уже на стражей: – Что стоите, как истуканы?! Несите ее в спальню. Разве не видите, что наследнице плохо!

Когда безвольное тело подхватил тот самый аскар, которого только что нагло ощупывали, девочка сузила глаза и зло прошипела:

– Молись Бенгет, чтобы после всего этого моя сестра взяла тебя в гарем, а не отправила чистить конюшни! Но перед этим я попрошу нашу мать хорошенько выдрессировать тебя!

Не поднимая глаз, мужчина шагнул в покои своей хозяйки, прижимая к гладкой груди хрупкое женское тело. Он так и не понял, что именно испугало юную наследницу, ведь он не сделал ни одного движения, если не считать того, что его мужская плоть ожила под шаловливыми пальчиками госпожи. Так ведь он и не наложник, чтобы терпеть. Он воин. И женщины, с которыми он проводит ночи, не любят долгих прелюдий.

– Так, положи ее на кровать, да, вот сюда, – командовала Аини, – а теперь быстро за лекарем. Лирт!

Аскар исчез за дверями, зато из своего угла вылез постельный мальчик. Девочка окинула его голодным взглядом. Хорош. До чего ж хорош. Как куколка.

А потрогать нельзя!

– Иди сюда, малыш, – мурлыкнула она, протягивая к нему руку. – Не бойся, я тебя не съем, только чуть-чуть поглажу.

Мальчик опасливо замер, стараясь смотреть куда угодно, только не на нее.

– Простите, госпожа, – сбивчиво пролепетал он, – но ясновельможная Эсмиль запретила кому бы то ни было дотрагиваться до меня.

– Даже мне? – Брови Аини выгнулись домиком.

Мальчик кивнул.

– Это потому что я тебя утром толкнула? – Еще кивок. – Лгун! Я тебя погладить хотела, а ты вздрогнул и упал. Потому что неуклюжий. Сам виноват. Ничего, когда твоя госпожа придет в себя, я расскажу ей, какой ты гадкий обманщик. Посмотрим, как ты будешь кричать, когда она отхлестает плетью твою миленькую попку!

Под конец своей тирады Аини едва не плевалась ядом. Как он посмел! Наябедничать на нее! Руки так и чесались схватить наглого мальчишку за белокурые локоны и натыкать носом в пол. Нет, так можно повредить его смазливую мордашку. Пусть лучше вылижет ей ноги своим дрянным языком. Чтобы знал, что в этом доме хороший раб – это молчаливый раб.

– Лижи! – она грубо сунула ему под нос свою расшитую золотом туфлю. – Живо!

Лирт задеревенел. Ясновельможная Эсмиль запретила ему повиноваться кому бы то ни было, кроме ее самой. Это один закон для всех в ее доме. Но госпожа сейчас в беспамятстве, а ее сестра здесь и требует повиновения. Как быть? Отказаться? Тогда она найдет, как подставить его – и наказание будет неминуемо! Согласиться – и госпожа Эсмиль навсегда вычеркнет его из своей жизни и своего дома. Альтернативы не существовало.

– Ты долго будешь думать. – Аини презрительно сощурила глаза.

– Простите, госпожа, но моя хозяйка запрещает мне повиноваться любому, кроме ее самой, – тихо ответил мальчик, не поднимая глаз.

– Даже Старшей Матери?

– Да, госпожа.

Аини с ненавистью взглянула на сестру, бледной куклой лежавшую поверх покрывала. Опять Эсмиль переиграла ее! Но сегодня это было в последний раз!

* * *

Сознание медленно возвращалось. Наплывало, будто волнами, неся с собой смутные образы и туманные обрывки фраз. Они крутились перед внутренним взором, будто картинки в калейдоскопе, но не несли в себе ни смысла, ни упорядоченности. Вот из тумана вынырнул смутно знакомый образ окровавленного мужчины, закованного в кандалы, а вот девушка в платье из грубого сукна разводит в глиняном кувшине едкую смесь и смеется. Вот мелькнула красочная мозаика, мраморные колонны и залитый солнечным светом просторный зал, а потом его сменило холодное серое помещение с ободранными стенами и закопченным потолком. Будто сон и явь переплелись, взаимно проникая друг в друга, а сама Лирин превратилась в стороннего наблюдателя, не испытывающего ни малейших эмоций при всплывании в памяти собственных воспоминаний.

Лирин постепенно приходила в себя. В голове продолжали кружиться обрывки сновидений, и девушка отрешенно размышляла, какой же чудесный сон ей приснился. Дворец, рабы, город, залитый солнечным светом… Как жаль, что уже наступило утро, а вместе с ним и суровая реальность. Сейчас придется встать, спуститься в кухню, шлепая босыми ногами по холодному полу, растопить печь… Потом целый день она будет чистить овощи, носить воду и угождать каждому, кто носит штаны…

Еще не осознавая, где она, Лирин распахнула глаза, и ее расфокусированный взгляд уперся в расписной потолок. Скользнул по нему с абсолютным равнодушием, но тут же сделался более осмысленным, а отрешенность сменилась удивлением.

Прямо у нее над головой на алых с золотом подушках возлежала полуобнаженная молодая женщина с надменным выражением на утонченном

лице, а вокруг нее расположились фигуры мужчин, всю одежду которых составляли лишь длинные волосы, рассыпавшиеся вдоль безупречных спин. Девушка пару раз моргнула, пытаясь осмыслить увиденное, потом неловко приподнялась на локте, обводя обескураженным взглядом вокруг себя, и тихо выдохнула.

Она лежала в самом центре большой, нет, просто огромной кровати странной шестиугольной формы, со всех сторон огороженной небольшими бортиками из черного дерева. Тончайшее шелковое покрывало, расписанное яркими орхидеями, приятно холодило кожу, а комната, в которой она находилась, поражала воображение своим великолепием. Все это было таким чужим, незнакомым, но в то же время настолько притягательным и загадочным, что Лирин захотелось немедленно вскочить и начать исследовать доступное взгляду пространство. Но она сдержала несвойственный ей порыв, продолжая молча оглядываться вокруг.

Сказка еще не закончилась. Чудесный сон все еще продолжался.

Рядом с кроватью что-то тихо зашуршало, и Лирин застыла, напряженно вслушиваясь в странные звуки.

Мыши? Откуда мыши в этой роскошной комнате?

Девушка вытянула шею, с опаской выглядывая за бортик кровати, но вместо черных глаз грызуна ее глаза встретились с небесно-голубым взглядом белокурого мальчика лет тринадцати от роду. Тот сидел на коленях возле кровати, смиренно сложив руки на груди, но увидев, что на него смотрят, тут же согнулся, касаясь лбом поверхности пола.

– Ясновельможная госпожа! – подросток всхлипнул от едва сдерживаемой радости. – Вы очнулись!

– Где это я? – голос прозвучал слабо и неуверенно. Не слишком похоже на голос госпожи, перед которой падают ниц.

– Вы у себя в покоях, – ответил ребенок, – в своем дворце.

– У меня есть дворец? – тонкие стрелки бровей изумленно поползли вверх.

– Да, ваш собственный личный дворец. Разве вы об этом не помните?

Мальчик умоляюще сложил руки на груди, но так и не осмелился поднять взгляд. С его госпожой творилось что-то странное. И что-то очень серьезное. Неужели она и в самом деле повредилась умом, как со вчерашнего дня шепчут слуги?

Если это действительно так, то всем, живущим в этом дворце, не сносить головы!

Лирин в ответ на его вопрос только молча помотала головой, тщетно пытаясь упорядочить скачущие мысли. Нет, это не может быть правдой. Сон должен был давным-давно развеяться, дворец превратиться в старый трактир, шелковая постель в тюфяк с сеном, а прекрасная комната в каморку на чердаке.

– Почему ты решил, что это мой дворец? – осторожно спросила девушка и невольно задержала дыхание, ожидая ответа.

– Потому что вы Эсмиль ди Маренкеш. Наследница одного из высших Домов Амарры, – голос подростка задрожал от волнения. Кажется, слухи о недомогании госпожи имеют под собой основание…

Лирин нахмурилась.

Это имя было ей знакомо. Она уже слышала его. Кто-то уже называл ее этим именем.

Лирин задумалась, пытаясь понять, каким образом она связана с этим именем и как оказалась в этой удивительной комнате, похожей на гигантскую шкатулку с драгоценностями. Память услужливо подсунула нужные воспоминания: грязный трактир, притязания нхира Марха и заезжий лэр, заплативший пятьдесят ледоров за ее девственность. Девушка вспомнила аукционный дом и обряд таврования, а так же поездку по улицам незнакомого города. И смутно – свернувшееся в клубок истекающее кровью мужское тело у своих ног.

«Теперь ты ясновельможная госпожа Эсмиль ди Маренкеш, наследница Высшего Дома Амарры, – вспомнила она бархатный и глубокий женский голос, вкрадчиво шептавший в самое ухо. – Теперь ты владеешь сотнями рабов, мужчины всего лишь пыль у тебя ногами, а твоего золота просто не счесть. И если хочешь остаться здесь навсегда…»

– Бенгет! – выдохнула девушка, и ее сердце сжалось в неосознанной тревоге. Встревоженный взгляд упал на мальчугана: – А ты кто?

– Лирт, ваш преданный раб, ясновельможная госпожа, – мальчик снова уперся лбом в пол. По его щеке на ковер скатилась слеза.

Лирин коснулась лба ослабевшей рукой. Кожа была сухой и прохладной – никаких признаков жара.

– Странно, – пробормотала девушка в полголоса, не замечая, что мальчик чутко ловит каждое ее слово, – я не помню, как попала сюда. Вроде бы мне снился сон… или это был не сон? Что со мной происходит?

Лирт понял слова госпожи на свой лад.

– Вчера днем вы отправились на невольничий аукцион в Дом Нальсарин, ясновельможная госпожа, – ответил он, привыкший отвечать даже на те вопросы, которые его хозяйка задавала самой себе. – Один из рабов посмел совершить нападение на вашу милость.

– Нападение? – Лирин потерла виски. Ничего подобного она не помнила.

– Да, ясновельможная госпожа. Нам сообщили, что вы потеряли сознание, а когда очнулись, то долго не могли вспомнить, где вы и что с вами. Из-за этого во дворце началось брожение. Ходят слухи, что вы повредились умом и больше не можете быть главной наследницей Дома…

С каждым словом Лирт все больше и больше втягивал голову в шею, а под конец его худенькая сгорбленная фигурка уже дрожала, как осиновый лист на ветру.

Еще бы, он практически подписал себе смертный приговор, подвергнув сомнению умственные способности своей госпожи. Но не предупредить ее он не мог. Это было сродни предательству.

– А что случилось с тем, кто на меня напал?

– Вы его купили, ясновельможная госпожа.

– Эйхард…

А вот его она не забыла.

И его темный взгляд, полный ненависти.

– Я не помню, как он на меня напал, – девушка с легким вздохом покачала головой. – Где он сейчас?

– Там, куда вы приказали его отнести. В лазарете для наложников. Точнее, вы приказали отнести его в гарем… – мальчик на секунду запнулся, но тут же, подавшись всем корпусом вперед, лихорадочно зашептал: – Госпожа, пожалуйста, позвольте мне сказать…

– Говори… – Лирин недоуменно нахмурилась.

– Вчера, когда новенького доставили на мужскую половину, госпожа Аини сказала, что это именно он напал на вас. Что он непривязанный. А таких нельзя держать в гареме или с другими рабами. Это нарушение всех законов Амарры. Мол, ему одна дорога – либо в таны, либо на алтарь Всеблагой. Она сказала, что вы не в себе, не понимаете, что творите, и не можете выполнять обязанности наследницы. И все ваши покорные рабы этим очень обеспокоены.

Лирин несколько минут сидела, молча разглядывая узор на шелковом покрывале. В голове назойливо пульсировала какая-то мысль, которую она никак не могла ухватить за хвост. Но одно девушка знала точно: мир перевернулся, и она – вчерашняя рабыня – точно актриса в захудалом театре, должна теперь отыгрывать госпожу. Именно должна, потому что в мозгу кровавыми буквами пылало предупреждение, оставленное богиней Амарры.

Сглотнув, Лирин вскинула на подростка растерянный взгляд. Одна, в огромной дворце, окруженная незнакомыми людьми, под подозрительным взглядом сестры, которая, судя по всему, уже строит какие-то козни… Нет, одной ей не справиться. Нужен союзник. Или союзники. Те, кому она сможет довериться.

И она решила рискнуть.

– Лирт, – начала она, тщательно подбирая слова. Мальчик напрягся, но продолжил сидеть, низко опустив голову, – сейчас я тебе скажу что-то, от чего будет зависеть моя жизнь…

Мальчик вздрогнул.

– Думаю, с твоей госпожой случилась беда.

– Что моя госпожа хочет сказать? – Лирт настороженно вскинул голову, но тут же, опомнившись, опустил взгляд.

– Не знаю, как объяснить… – Лирин взволнованно сжала в руках край покрывала. – Но я – это не она. У меня другое имя, и я не обладаю никаким титулом… я не знаю, что делать со всем этим, – и она широким жестом обвела комнату.

– Нет, госпожа, не говорите так! Вы пугаете своего никчемного раба.

Мальчик действительно испугался. Он помнил несколько случаев, когда после особо сильных ударов по голове некоторые рабы теряли память. Эти несчастные очень долго не приходили в сознание, а потом многие месяцы мучились сильными болями, тошнотой и постоянным головокружением. Таких никто не хотел держать, ведь больного невольника легко заменить на здорового, а потому их ждал один удел – смерть. Либо быстрая и безболезненная, либо долгая и мучительная – все зависело от хозяйки и ее предпочтений.

Но если память потеряла сама госпожа? Да это еще хуже! Стоит ее родственницам узнать о том, что наследница ничего не помнит, как ее тут же признают недееспособной и назначат новую кандидатуру на этот титул. А кто у нас следующая в очереди? Правильно, госпожа Аини. Это была не та особа,

которую Лирт хотел бы видеть в роли своей хозяйки. Слишком уж вольготно ему жилось под защитой Эсмиль, занятой лишь своими наложниками, и слишком хорошо он знал, на что способна ее младшая сестра. Нет, этого никак нельзя допустить!

Но что может сделать против имперской системы один маленький раб, который сам практически ребенок?

– Госпожа, – начал он дрожащим голосом, но постепенно его тон окреп, а во взгляде появилась решимость, – пожалуйста, никому не говорите об этом. Иначе вас лишат титула, а на ваше место назначат другую наследницу. В этом дворце множество рабов, жизнь которых зависит от вас. Если вас сместят, мы все будем либо распроданы, либо умерщвлены – как решит новая хозяйка.

– И что же ты предлагаешь? Я не могу быть ничьей госпожой. Я просто не знаю, как это делается! Меня раскусят, стоит мне выйти из этой комнаты. Взгляни на меня! – Лирин с мольбой сложила ладони, и в ее глазах блеснула непрошеная слеза. – Я даже не способна открыто смотреть на мужчину. Меня с рождения учили подчиняться. Я рабыня, такая же, как и ты…

Глава 7

Вот и все.

Она это сказала.

Сейчас раздастся небесный гром – и в комнате возникнет окруженный змеями и темным пламенем образ Бенгет.

Сжавшись и втянув голову в плечи, Лирин ждала явление кровавой богини.

Но минуты шли, а Всеблагая все не являлась.

Наконец, осторожно выпустив воздух из легких, девушка подняла голову.

– Это невозможно! – прошептал Лирт, не сводя с нее перепуганных глаз.

– Невозможно? – Лирин горько рассмеялась. – Но все так и есть! Не скажу, что моя жизнь была приятной, но боги лишили меня даже ее, засунув мой дух в это тело. И теперь, если обман раскроется, мне грозит смерть. Что мне делать, Лирт? Кто мне поможет?

По лицу девушки потекли слезы бессилия и обреченности.

Мальчик неловко подполз вплотную к кровати, не решаясь подняться на ноги. Его госпожа никогда не плакала, он ни разу не видел слез на ее красивом и высокомерном лице. И именно это яркое проявление эмоций убедило его в том, что его госпожа не сошла с ума и не потеряла память. Она действительно изменилась. Кто-то другой занял ее тело. Были ли это игры богов или происки демонов, но именно от этой незнакомой еще женщины теперь зависело его будущее и жизни тех, кто живет в этом дворце.

– Послушайте, – он осторожно сжал ее руки и поднял умоляющий взгляд, – я поклянусь на статуе Бенгет, что вы моя госпожа Эсмиль ди Маренкеш. Я расскажу вам все, что вы должны знать, научу всему, что вы должны уметь. Я буду вашими глазами и ушами, только, пожалуйста, во имя Всеблагой Матери, никому не говорите о том, что сказали мне. Пусть это будет нашей тайной. Если богам было угодно поменять местами неизвестную рабыню и мою госпожу, значит, у них есть на этот счет свои мысли. Просто живите и наслаждайтесь. Иначе я даже не берусь представить, что с вами будет, если обман раскроется.

– Боюсь, я не справлюсь…

– Справитесь, госпожа, я помогу. Через месяц начнутся главные амаррские Игры танов – Тан-Траши. Вы обязательно должны принимать в них участие. Это повеление императрицы для наследниц Высших Домов. Каждая должна выставить своего тана. Но стоит окружающим заподозрить хоть что-то – и нас всех ждут большие неприятности. Слишком много желающих занять ваше место, а у вас очень мало времени, чтобы терять его даром.

– Я боюсь…

– Мы все боимся, но это ничего не значит. Помните лишь о том, что от вас зависят жизни и судьбы более шести тысяч человек.

Ровные брови девушки изумленно взлетели вверх.

– Так много? – прошептала она. – Неужели этот дворец может вместить их всех?!

– Нет, госпожа, – Лирт не сдержал короткий смешок, – во дворце живут лишь около двухсот пятидесяти. Это ваши личные рабы, невольники, которые занимаются хозяйством, смотрители-ансары, наложники и личная гвардия – сто пятьдесят отборных аскаров, лучшие из лучших. Еще, вы недавно купили двух танов, как раз к играм. Их содержат отдельно, ведь они, в отличие от других, не прошли «привязку». Танам это не нужно. Их судьба сражаться на Арене и умереть во славу Бенгет.

– Таны? Ты уже говорил это слово. Кто они такие? И «привязка»… что она означает?

– "Привязка" – это когда жрица Бенгет «привязывает» волю раба к его госпоже. Такой раб предан до последнего вздоха. Вернее, «привязывают» не только рабов. Все свободные мужчины проходят этот обряд, когда им исполняется десять лет. Ну а те, кого отдают в питомники… их «привязывают» при покупке, а до тех пор они подчинены правилам своего учреждения. Вот. А таны это пленные воины, которые не прошли этот ритуал. Их специально подбирают по силе и воинскому мастерству, чтобы выставить на ежегодных играх в столице. Чей тан победит, тот Дом получает награду из рук императрицы.

– А тан? Что получает тан?

Лирт пожал плечами:

– Одно желание.

– И он может пожелать свободу?

– Может. Но поговаривают, что их все равно умерщвляют… – такое он точно не смог бы сказать настоящей Эсмиль.

– Но это ужасно! Зачем ему сражаться, если в конце он все равно умрет?

– Если он проиграет, его смерть будет показательной, медленной и очень мучительной. Все зависит от госпожи. Некоторых распинают на стенах Арены и вскрывают вены. С других живьем снимают кожу. Есть такие, что вспарывают танам живот и кладут на него пустынных скарабеев…

– Все! Хватит! Меня сейчас стошнит от подробностей. Как вы можете так жить? Это же мерзко! – Лирин вскочила на ноги и с отвращением уставилась на подростка, который абсолютно спокойным тоном описывал самые ужасные вещи из тех, что ей доводилось слышать за всю жизнь.

– Как пожелает госпожа, – он нагнул голову, пряча взгляд.

– Я думала, что моя жизнь была жалкой и беспросветной, но теперь вижу, что, по сравнению с местными рабами, мне грех жаловаться.

Обхватив ладонями горящие щеки, девушка закрыла глаза и несколько мгновений переваривала услышанное.

– А остальные мои люди, где они живут? – задала она следующий вопрос.

– В провинции, на ваших землях. Когда наследница назначается официально, Старшая Мать выделяет ей отдельный дворец и земельные угодья. Сейчас у вас четыре деревни, в каждой по триста дворов. Это ваши подданные, и они полностью зависят от вас.

– Что же я должна делать?

– Пока ничего сложного. Запомните, теперь вы ясновельможная госпожа Эсмиль, наследница высшего Дома Маренкеш. В это время вы, обычно, обедаете. Не стоит отступать от прежних правил. Это может вызвать ненужные пересуды. А на вечер ансары готовят вам наложника. Сегодня утром, перед аукционом, вы повелели мне передать им, что желаете видеть в своей опочивальне Урхана, того здорового мернейца.

– Я? – она бросила на него раздраженный взгляд. – Сегодня утром я…

– Сегодня утром вы были здесь и отдали мне этот приказ, – с нажимом повторил мальчик. – И когда наложника приведут, вы воспользуетесь им и получите удовольствие. Это будет правильно.

Лирин недовольно хмыкнула.

– Что-то ты слишком умный для своего возраста. Сколько тебе лет?

– Мой возраст не имеет значения. У меня были хорошие учителя. И, поверьте, я стараюсь для вашего блага. Именно от настроения госпожи зависит жизнь ее рабов.

– Ладно, – она вздохнула, окончательно сдаваясь, – здесь найдется, чем подкрепиться? На голодный желудок трудно думается.

Мальчик покачал головой и заявил:

– Вы должны оставить этот кроткий тон. Помните о том, кто вы. Вы не должны просить, ваш удел – приказывать. Попробуйте еще раз.

Девушка откашлялась, пытаясь принять царственную, как ей показалось, позу, и напыщенным тоном заявила:

– Раб, я желаю обедать! – Затем опустила плечи и уже более мягко добавила: – Ну как, лучше?

Лирт поджал губы.

– Вы должны больше стараться, иначе вас быстро раскусят. Но для первого раза довольно неплохо. Никуда не выходите, пока меня не будет, а если кто-то придет, то всех отсылайте. А я распоряжусь, чтобы обед подали в опочивальню, и пущу слух, что вы утомились и не желаете никого видеть… Только наложника придется принять. С тех пор как Старшая Мать выделила вам гарем, ни единой ночи ваша опочивальня не была пустой. Это может вызвать лишние сплетни.

– Ладно. Надо так надо. Надеюсь, что этот наложник ничего не заметит…

– Вам не придется с ним говорить, – мальчик рассмеялся. – У него совсем другие обязанности.

Девушка с легким вздохом разгладила на коленях полупрозрачный подол туники.

– Все равно. Мне очень страшно. Что будет, если я не справлюсь? Ты хоть понимаешь, что на кону моя жизнь?

– Не только ваша. Теперь мы все на волосок от смерти…

* * *

Когда мальчик ушел, девушка осмелилась вылезти из кровати и пройтись по комнате, наслаждаясь ощущением мягкого ворса под босыми ступнями. Ее внимание привлекло движение, смутно угадываемое за шелковыми портьерами, прикрывающими одну из стен.

Увидев идущую навстречу черноволосую незнакомку, Лирин на мгновение замерла, а потом облегченно рассмеялась. Зеркало! Всего лишь большое зеркало! В два человеческих роста высотой. Но обновленная внешность заставила ее застыть в восхищении. Эти роскошные, блестящие, как шелк, волосы, эти огромные глаза с миндалевидным разрезом и чуть приподнятыми уголками… такая захватывающая и одновременно такая порочная красота!

Значит, теперь ее зовут Эсмиль…

Эта девушка в зеркале была той самой, которую неизвестный художник написал на сводчатом потолке прямо над кроватью. И все в ней, начиная от царственной осанки и заканчивая изящными кистями рук и ступнями, говорило о том, что она никогда не была ни рабыней, ни служанкой, да и вообще, вряд ли знает, что такое нужда. Подняв руку, Лирин изо всех сил ущипнула себя – и тут же вскрикнула от боли.

«Нравится?» – прошелестел на ухо невидимый голос.

Девушка вздрогнула. За плечом ее отражения возник туманный силуэт, в котором угадывался облик богини Амарры.

«Я так и знала, что ты будешь в восторге, – Бенгет выступила из тумана, и Лирин ощутила леденящее душу прикосновение к своему плечу. В зеркале богиня положила руку на плечо Эсмиль ди Маренкеш. – Кстати, как мой подарок тебе? Я про дворец. Не правда ли, он чудесен? Все это будет твоим».

– Моим? – девушка от страха едва шевельнула губами.

«А ты думала, я шучу? – богиня хрипло расхохоталась, и по спине Лирин поползли холодные мурашки. – Нет, моя дорогая. Я предлагаю тебе сделку, в которой мы обе получим то, что желаем. Ты – дворец, титул, власть и богатство, я одарю тебя всеми благами мира, взамен же мне нужно только одно…»

Ее цепкие пальцы еще сильнее сжали плечо девушки, острые ногти вонзились в плоть, и на тонкой ткани выступили красные пятна.

«Твое послушание, – голос Всеблагой превратился в шипение, от которого сжались внутренности Лирин. – И твое сердце, в котором не должно быть ничего, кроме ревностного служения мне. Забудь, кем ты была до этого дня. Забудь все. Я дала тебе новую жизнь, но я же могу ее и отнять! Помни об этом».

Лирин судорожно вдохнула, когда в отражении пальцы богини переместились с плеча на горло девушки, и дыхание остановилось, словно и в самом деле стиснутое жестокой рукой.

– Слушаюсь, Всеблагая, – прошептала она еле слышно, ощущая, как в груди поднимается волна паники.

«Молодец, девочка. Ты быстро учишься. И запомни, со мной не стоит шутить. Считай, что мы заключили сделку. Теперь твоя жизнь и судьба в моей власти».

Зеркало на мгновение помутнело, свет в комнате затрепетал, и все на мгновение погрузилось в непроглядную тьму. Еще секунда – и все свечи вспыхнули ярким пламенем, а на гладкой поверхности зеркала Лирин увидела красные потеки, которые таяли буквально на глазах.

Намек был более чем понятен.

* * *

Обедала Лирин в роскошной опочивальне своей предшественницы. Изысканные блюда и предупредительность рабов, боявшихся даже смотреть в ее сторону, сначала смущали. Но понемногу девушка начала расслабляться и даже входить во вкус. Не даром же говорят, что к хорошему привыкают быстро. К вечеру Лирин уже с ужасом вспоминала, что еще недавно ходила в обносках и питалась чечевичной похлебкой. Ей казалось, что она всю жизнь носила шелка и спала на пуховой перине. И только инстинктивный страх перед мужчинами все еще сидел в ее крови. Но и он обещал скоро исчезнуть.

К вечеру в покои наследницы наведалась дворцовая жрица Мелек. Ей донесли, что молодая госпожа чувствует недомогание, и та, озаботившись ее здоровьем, принесла с собой саквояж, полный снадобий.

Лирин, забравшись с ногами на кровать, молча следила, как странная женщина, закутанная с головы до ног в пурпурное покрывало, расставляет по комнате толстые черные свечи. Когда свечи вспыхнули, в воздухе разлился удушающий запах благовоний и эфирных масел.

– Что это? – осмелилась спросить девушка. Помня о предупреждении богини, она постаралась придать своему голосу повелительные нотки. Благо, было на ком потренироваться.

– Это нард, мирра, мускус и амбра. Они изгонят из вашего тела дух болезни, моя госпожа, – учтиво поклонилась Мелек. – Ложитесь. Через час вы снова будете бодры и веселы.

– Надеюсь, – прошептала Лирин еле слышно и перевела умоляющий взгляд на Лирта, который стоял у ее кровати в своей привычной, коленопреклоненной позе.

Мальчик едва заметно пожал плечами. Изменять привычный распорядок дня или дворцовые правила было очень опасно. Не стоило привлекать лишнее внимание, особенно сейчас, когда повсюду слышались подозрительные шепотки.

Раздался вкрадчивый стук в дверь. Широкая лакированная створка приоткрылась, пропуская ансара с низко опущенной головой. Мужчина, прижав ладони к груди, проговорил:

– Моя госпожа, вас ждет на ужин госпожа Аини. Она уже приказала накрыть в трапезной.

В данный момент это было похоже на благословение небес. Лирин едва сдержалась, чтобы не запрыгать от радости.

Сдержав первый порыв, она поднялась с кровати со всей степенностью, на которую только была способна. Дернула плечиком, и постельный мальчик тут же накинул отороченный мехом бархатный пеньюар. Сейчас, когда на нее внимательно смотрели три пары глаз, ища признаки сумасшествия, ей приходилось быть особенно осторожной. А еще не стоило забывать, что глазами Лирта смотрит сама Бенгет, и любой промах будет сразу замечен.

– Я готова, – произнесла Лирин, стараясь смотреть поверх голов и ни с кем не встречаться взглядом. Подошла к дверям и остановилась. – Лирт, проводи.

Только сейчас она поняла, что даже представления не имеет, куда ей идти.

Мальчишка, сразу сообразив, в чем дело, проводил новоиспеченную госпожу в трапезную, где уже изнывала от скуки ее сестра.

Ели в Амарре полулежа, используя вместо стульев и табуретов, распространенных в Ангрейде, специальную софу. Во дворце наследницы эти софы отличались особым изяществом: они имели гнутые ножки из бронзы, выполненные в виде львиных лап, полукруглое изголовье, украшенное инкрустацией из черепахового панциря и полудрагоценных камней, и продольную спинку, выполненную из лучших пород красного дерева. Эта спинка имела плавный изгиб, похожий на изгиб женского бедра, и была украшена филигранной резьбой. Теперь новоявленная Эсмиль ди Маренкеш могла наслаждаться экзотическим супом из свежих овощей, залитых освежающим бульоном, жареными перепелками, нежными паштетами и изысканными напитками. Все это полагалось есть, лежа на упругих бархатных подушках за большим овальным столом из розового мрамора.

Это было так непривычно и в то же время так восхитительно, что Лирин с удовольствием подчинилась новым правилам. Ей казалось, что она умерла и попала в рай, ибо то, что ее окружало, никак не могло существовать в действительности. Она, будто заново рожденная, наслаждалась жизнью и богатством, которое ее окружало.

– Мне сказали, что ты до сих пор плохо себя чувствуешь? – Аини с неприкрытым любопытством уставилась на сестру.

Та поглощала обычные яства с таким блаженным видом, будто в жизни не пробовала ничего вкуснее.

– Да, – девушка недовольно сморщила носик, играя роль капризной госпожи, – сегодня был трудный день. Я устала и хочу побыть одна.

Эту черноволосую девочку она сразу узнала, а вместе с ней вспомнила и странного раба, который неизвестно зачем понадобился богине. Первым порывом было узнать об этом мужчине, но девушка не решилась задавать такие вопросы своей новоприобретенной сестре.

Но Аини первая завела о нем разговор.

– Что ты собираешься делать со своим новым рабом? Я слышала, он не прошел привязку? Может, есть смысл выставить его на Тан-Траши? Хотя я не уверена, что к моменту игр он будет способен держать в руках меч.

– Скажи, зачем я его купила? – спросила Лирин как можно более равнодушным тоном.

– Ну, как же, чтобы поддразнить Ульнару. Он же был ее мужем, а она его выставила на торги, да еще в таком виде! Знаешь, если ты решишь сделать его таном, и он выиграет главный бой, это будет хороший удар по репутации Дома Зинтар, – задумчиво произнесла девочка, слизывая с серебряной ложки взбитые сливки. – Я даже думаю, что ты поступила правильно, купив его. Это такой шанс утереть нос этой гордячке!

Эти слова вызвали у Лирин много новых вопросов, но девушка боялась их задавать, а потому молчала до конца обеда. Наконец, Аини наскучило лежать за столом с неразговорчивой сестрой, и она убежала в свои покои, напоследок заявив, что желает наследнице хорошенько отдохнуть.

Лирин тоже поднялась из-за стола. Она и вспомнить не могла, когда в последний раз ела досыта, да еще так вкусно! У двери трапезной, рядом с аскарами, ее ждал Лирт. Мужчины не поднимали глаз, только кланялись, а вот мальчик всем своим видом показывал приверженность госпоже. Он, будто маленький юркий зверек, вился вокруг нее, одновременно защищая от лишних вопросов со стороны и указывая нужное направление. Без него девушка мгновенно потерялась бы в бесконечных анфиладах дворца.

Наконец, Лирин оказалась в своих покоях и совершенно одна. Разбежавшись, она запрыгнула на огромную кровать и раскинула руки. Мягкая перина приняла в свои объятия, мягко спружинив под ее телом. Перевернувшись на спину, девушка уставилась в расписной потолок, и ее губы растянулись в блаженной улыбке. Это было великолепно!

В двери тихо поскреблись. Знакомая белокурая голова возникла в проеме.

– Ясновельможная госпожа, вы согласны принять наложника своего Урхана? – Лирт, по всей видимости, все это время сидел с той стороны дверей.

"Интересно, – мелькнуло в голове, – а спит он тоже на пороге?"

Лирин приподнялась на локте и кивнула. Интересно же взглянуть на еще одного своего раба. Хотя нет, Лирт сказал не раба – наложника! Она резко вскочила на ноги, собираясь сказать, что передумала, но тут же замерла, едва не разинув рот от изумления.

В комнату вошли трое. Первые два с коротко стрижеными волосами были одеты в белые шаровары и такие же жилетки с красной вышивкой, не скрывающие голых торсов. Они держались с двух сторон от еще одного – молодого мужчины лет двадцати пяти, не больше. У этого золотистые волосы были очень длинными, ниже пояса, а фигура отличалась просто удивительной красотой: широкие плечи с узлами мышц, мощная грудь, узкие бедра и длинные мускулистые ноги. Черты его лица были столь изящны, что, если бы не явная мужская харизма, их можно

было бы назвать женственными. Всю его одежду составлял лишь ошейник из толстой золотой цепи и кусок тонкого шелка на бедрах, под которым угадывался тщательно выбритый пах.

Смущенный взгляд девушки скользнул по его телу. Золотисто-бронзовая кожа мужчины казалась гладкой и упругой на вид, так и тянуло дотронуться до нее, провести рукой, сжать эти крепкие плечи и почувствовать, как под пальцами перекатываются гибкие мышцы.

Лирин рвано выдохнула.

Это были не ее мысли, не ее желания. Никогда прежде она не ощущала подобного интереса к мужчинам. Но сейчас…

Сейчас по ее телу пробежала волна возбуждения, и пальчики на ногах поджались в предвкушении предстоящего удовольствия. Бывшая владелица этого тела знала толк в плотских наслаждениях.

– Ясновельможная госпожа, – оба ансара учтиво склонили головы. А вот длинноволосый блондин встал на колени и уперся лбом в пушистый ковер, – ваш наложник подготовлен по всем правилам вашего Дома и готов вам служить.

Девушка инстинктивно махнула рукой. Этот жест был ей незнаком, но ее тело совершило его чисто автоматически: судя по всему, от прежней хозяйки ей достался не только титул и дворец, но еще и рефлексы. Ансары с поклоном удалились, и она наконец-то осталась один на один со своей новой игрушкой.

Глава 8

Мужчина был действительно хорош. Даже очень. Его коленопреклоненная фигура и покорный взгляд что-то разбудили в душе Лирин, что-то темное, чего еще вчера там не было и в помине. Словно чья-то чужая воля толкнула ее вперед. И девушка задрожала, чувствуя, как внизу живота все скручивается в тугой, сладко ноющий узел.

Это было как наваждение.

Подойдя к блондину, Лирин неловко протянула руку и коснулась его роскошных золотистых волос. Лирт предупредил: она должна сыграть роль Эсмиль так, чтобы никто не заподозрил подмену. Но сейчас она плохо себе представляла, что делать дальше с этим мужчиной.

– Для чего ты здесь, – спросила она и сама удивилась, как хрипло прозвучал ее голос.

– Повиноваться вам, госпожа, и следовать вашим желаниям.

Он потянулся к ней и коснулся губами ее босых ног. Лирин вздрогнула и отступила.

– Встань.

Она сама не понимала, что сейчас делает. Будто это не она, будто кто-то другой руководил ею, дергал за ниточки, а она лишь подчинялась или играла роль, как послушная марионетка. Судя по всему, память прежней хозяйки этого тела не исчезла полностью, что-то осталось, какие-то крохи на инстинктивном уровне, которых было вполне достаточно, чтобы пробудить в бывшей рабыне все тайное, что скрывалось глубоко в ее душе.

Но между тем Лирин понемногу начинала чувствовать удовольствие от своей новой роли. Этот мужчина был так красив и выглядел таким покорным! Он пришел, чтобы служить ей душой и телом. Разве есть что-то более притягательное, чем ощущение власти над другим человеком?

Молодой раб грациозно поднялся, хорошо отработанным движением откидывая за спину свои роскошные волосы. Он знал (или думал, что знает), чего от него ждет госпожа, и готов был дать ей это.

– Моя госпожа позволит… – произнес он низким вибрирующим голосом, осторожно подаваясь ближе к девушке.

– Попробуй… – выдохнула она.

Лирин и сама не знала, зачем сказала это.

Урхан ухмыльнулся про себя. Последний раз госпожа Эсмиль была так довольна, что позволила ему остаться в своих покоях до утра. Правда, спать пришлось на полу рядом с ее кроватью, а потом его целую неделю не звали, поскольку ее милость развлекались с другими наложниками. Но теперь у него появился еще один шанс пробиться в фавориты, и терять его он не собирался.

Нежно сжав руками ладони своей госпожи, он склонил голову так, что волосы плавно скользнули вдоль спины, и аккуратно поцеловал каждый пальчик, овевая их теплым дыханием. Лирин забыла, что надо дышать, когда почувствовала на своей коже горячий влажный язык. Наложник осторожно втянул в рот ее мизинец, прошелся по нему языком, пощекотал ложбинку между пальцев – и занялся следующим. В то же время его пальцы вырисовывали загадочные узоры на узкой женской ладони.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/uglickaya_alina/perst-sud-by-lirin

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити